

ПИОНЕР



АВГУСТ

Издательство «Правда», 1950 г.

8



СОДЕРЖАНИЕ

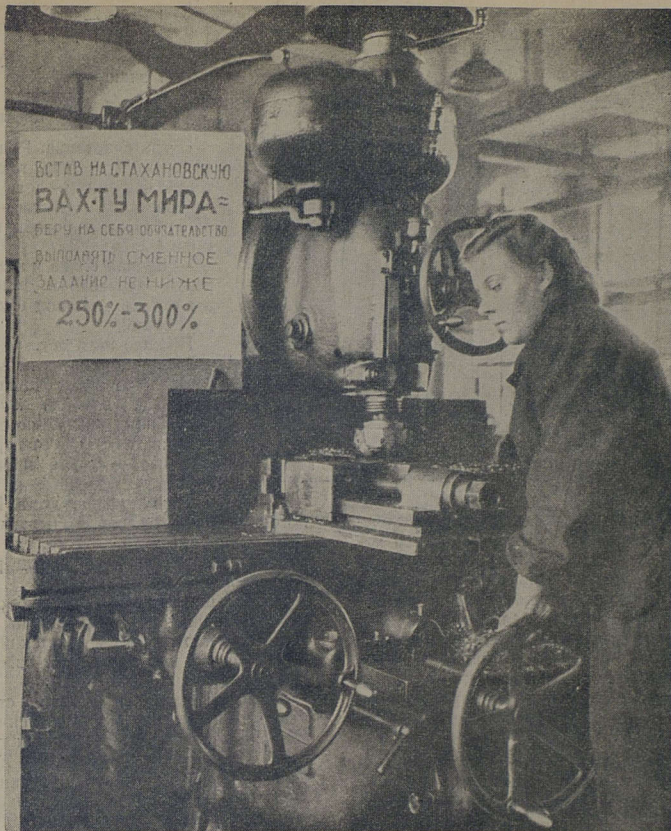


Мы боремся за мир, мы победим! М. Прилежаева	1 стр.
Плащ партизана. — Поэма Н. Сакопской. Рисунок Д. Дубинского	6 "
Весной в половодье. — Повесть Виктора Бамыкина. Рисунки П. Кузьмичёва	9 "
Как высоко. — Стихи Н. Артюховой	20 "
Дневник-путешественник. (Что мы узнали и чему научились летом)	21 "
Детство. — Стихи М. Исаковского. Рисунки И. Кузнецова	28 "
Заонежье. — Рассказ Г. Скребицкого. Рисунки В. Трофимова	30 "
Певец русской природы. — Константин Паустовский	33 "
Река в пустыне. — Г. Ганейзер, кандидат географических наук. Рисунки А. Кондратьева	35 "
Аба и Киг. — Хакасская сказка. Пересказала Александр Антокольский. Рисунки Ю. Кискачи	43 "
В пионерском радиоклубе. — Б. Ляпунов	46 "
Путь к победе. — А. Хмелик	48 "
Учитель плавания. — Юмористический рассказ Ю. Сотника. Рисунки А. Каневского	51 "
Советы старшего вожатого	58 "
На рыбалке. — В. Архангельский	60 "
В мире книг	62 "
Наш календарь	64 "
Проекты Михаила Механичкина. — Рисунки В. Сутеева	III и IV пол. обл.



На обложке: картина Я. Титова „В походе“.





Комсомолка Клавдия Титова, фрезеровщица Московского инструментального завода, с честью выполняет взятые обязательства, своим трудом помогает она отстоять дело мира.

МЫ БОРЕМСЯ ЗА МИР, МЫ ПОБЕДИМ!

М. Прилежаева

Пять лет назад многие из вас ещё не были пионерами. Но в тот день, когда по всей стране ветер мая развевал алые флаги победы, города перекликались салютами и незнакомые люди обнимали друг друга, смеясь и плача от радости, — в

этот день каждый из вас, если не вслух, то в своём сердце дал Родине торжественную пионерскую клятву: «Всегда готов!»

Всегда готов защищать и отстаивать мир, который принесла миру победа великой нашей страны над фашизмом.



Этот снимок сделан на берегу Балтийского моря. Рыбаки Парголовского райпотребсоюза и артели имени В. И. Ленина, вернувшись с лова, подписываются под Стокгольмским воззванием.

Советскому народу дорого стоила победа. Тысячи славных сынов и дочерей нашей Родины отдали жизнь в боях за её свободу и счастье. Девятого мая с нами вместе на Красную площадь не вышли петь песни и любоваться сверкающим в фейерверках небом Зоя и Шура Космодемьянские. Мать Зои и Шуры в этот день стояла у окна своей комнаты; мимо дома ликующим потоком текли праздничные толпы людей, среди них не было Зои, не было Шуры.

Они неразлучно прожили стремительную, как полёт птицы, прекрасную жизнь, брат и сестра — герои, и оба отдали её Родине.

Никогда не прибежит в авиамодельный кружок керченского Дворца пионеров весёлый и смелый пионер Володя Дубинин, не придут в степь нарвать красных маков, не запоют больше звонкую комсомольскую песню Ульяна Громова и Люба Шевцова, не пронесутся на послушных самолётах навстречу ветру и солнцу Виктор Талалихин и Тимур Фрунзе, не встанет к станку изобретатель и фантазёр Серёжа Тюленин, и сероглазый чудесный юноша Олег Кошевой никогда больше не скажет перед комсомольским собранием счастливых слов, которым отданы сердце, мечты и надежды юности:

Я знаю —
 город
 будет,
Я знаю —
 саду
 цвeсть!..

«Будь счастлива, Родина!» — думали в этот день тысячи матерей, чьи дети — дети великого советского народа — пролили кровь за то, чтобы во всём мире был мир!

— Вечная слава и память героям! — сказала в День Победы страна. — Город будет! Саду цвeсть!

Прошло пять лет.

Рабочие кварталы Лондона, разрушенные фашистскими бомбами, заросли бурьяном, деревянные заборы по сей день укрывают от глаз эти грустные пустыри — следы прошедшей войны. Сожжённые и покалеченные дома Парижа до сих пор зияют чёрными дырами — капиталистам нет дела до того, где ютятся рабочий люд, изгнанный из-под родного крова войной.

Но раньше, чем враг был выброшен за пределы нашей великой Родины, правительство, партия, весь советский народ принялись за восстановление своей прекрасной страны.

Величественны, как прежде, стройные улицы города Ленина, из-под пепла и руин краше прежнего поднимается героический Сталинград, раскинулись парки в Одессе, строится Минск, десятки, сотни других городов; пахнут солнцем и лесом высокие стены новых светлых домов в поднявшихся для новой жизни колхозах. Всюду жизнь на необъятных просторах нашей страны, труд, творчество, мир!

Пионеры, гордитесь! Вы живёте в те годы, когда ваши матери, отцы и старшие братья строят коммунизм и ваша Родина расцветает невиданно! Сбывается то, о чём мечтали лучшие люди России, то, неизбежность чего со строгой научностью доказал Ленин и что Сталин из мечты претворяет в реальность.

Сухоеи приносили в поволжские степи знойные тучи песка — промчится над полем чёрная буря и оставит позади пыльные всходы, мёртвую землю. Сталин сказал: посадим леса! И там, где посевы



«Долой атомную бомбу!», «Мы хотим жить!» — написано на плакатах, которые несут французские дети, участники демонстрации сторонников мира. На головах у ребят шапочки с изображением белого голубя — символа мира. В центре шагает мальчик в высоком цилиндре, раскрашенном в цвета американского флага. Он изображает знаменитого американского «дядю Сэма». Сверху на цилиндре изображение атомной бомбы. Ребята хорошо знают, что именно «американский дядюшка» покушается на их будущее, на их жизнь.

испокон века съедались суховеями и зно-ем, поднимется молодой лес, зашумит, на землю ляжет отрадная тень, живительной влагой напьются поля — пустынный край зацветёт.

Во всей нашей стране строится новое.

Новый, небывалый поворот в наши дни переживает деревня. Колхозы укрупняются. Закладываются фундаменты новых агрогородов. В укрупнённых колхозах вырастут красавицы-школы, клубы, театры, дворцы пионеров, электростанции, гаражи, раскинутся в агрогороде парки, обнимут город фруктовые сады на сотни гектаров. Где и когда, кроме нашей страны, была бывала прекрасней мечты?!

На тысячах наших заводов создаются машины, которые с каждым днём делают веселее и легче труд человека в цехе и на полях.

В тысячах вузов учатся юноши и девушки, ещё недавно, как и вы, носившие пионерские галстуки, учатся улучшать и украшать нашу жизнь.

В городах вырастают новые, стройные улицы, и в Москве, на Воробьёвых горах, где больше века назад Огарёв и Герцен подростками дали чудесную клятву по-

святить народу всю свою жизнь, возносятся к небу величественное лёгкое здание нового университета.

Наша страна живёт для мира, счастья, труда!

Ни одной пяди чужой земли мы не хотим. Нам свободно и радостно на просторах нашей земли! Наш ум пыллив. Сердце наше открыто для всего человеческого. Мы желаем всем народам мира и счастья!

Но по ту сторону океана лежит чужая страна. Америка нам чужда не потому, что в ней живёт нам враждебный народ. Народы не бывают враждебны. В Америке много простых, честных, хороших людей, которым понятны и близки наши миролюбивые планы.

Но Америкой правит кучка капиталистов с Уолл-стрита. Преступно их прошлое. Во сто раз преступнее их сегодняшний день.

В прериях Америки жило когда-то древнее, исконно американское племя индейцев. Это был независимый, честный, прямодушный народ. Предки нынешних капиталистов с Уолл-стрита, вооружившись винчестерами, как на зверей, объявили на индейцев охоту и стёрли с лица земли беззащитный древний народ.



Это один из домов Вены. На дверях его надпись, мимо которой невозможно пройти без волнения: «Все жители этого дома за мир». Живущие в доме все до одного подписали Стокгольмское воззвание.

Прочтите книгу американского писателя Говарда Фаста «Последняя граница», и вы узнаете — вот оно, прошлое нынешних миллионеров Америки: путь к доллару полон преступлений и мерзостей.

Предки нынешних правителей Америки, капиталистов с Уолл-стрита, уничтожали в своей стране всё, чем она могла бы гордиться. Они убили Джона Брауна, благородного сына Америки, борца против рабства. Они торговали людьми. Неисчислимы их подлости!

Однако теперешние правители Америки превзошли своих предков.

Ещё в те дни, когда наша мужественная Родина едва начинала залечивать раны, нанесённые войной, капиталисты Америки отдали команду Трумэну готовить новую войну против оплота мира, против Советского Союза.

Капиталистам нужна война.

Пусть гибнет юность народов, пусть страдают дети, пусть от горя и ужаса поседеют все матери, — капиталисты хотят войны, им нужны доллары, доллары. Нет зверя на свете кровожадней капиталистов с Уолл-стрита!

Пионеры! Знайте их преступления. Это они преследуют, мучают Говарда Фаста,

Поля Робсона, сотни, тысячи благородных своих соотечественников.

Это они расстреливали борцов за свободу Греции.

Они хотели поставить на колени свободлюбивый Китай, сбросив тонны бомб на его мирные города и поля.

Они соорудили во Франции и западной зоне Германии лагеря смерти и пыток. Они готовят новое злодеяние против населения долины Рейна.

Вдоль берегов реки Рейн тянется цветущая долина, над рекой величаво высится скала Лорелей. Великий немецкий поэт Гейне воспел скалу в лирической «Песне о Лорелей».

Немецкий народ создал о ней много поэтических легенд и сказаний. Сейчас скала изуродована штольнями. Подножие её окружено плотно закупоренными люками колодезев, люки — вдоль всей дороги, огнибающей скалу. В люках и штольнях заложена взрывчатка. Американский генерал Брэдли собирается по команде Уолл-стрита взорвать скалу Лорелей. Рухнув в Рейн, она перегордит реку. Вода хлынет из берегов и похоронит долину, десятки городов, миллионы людей.

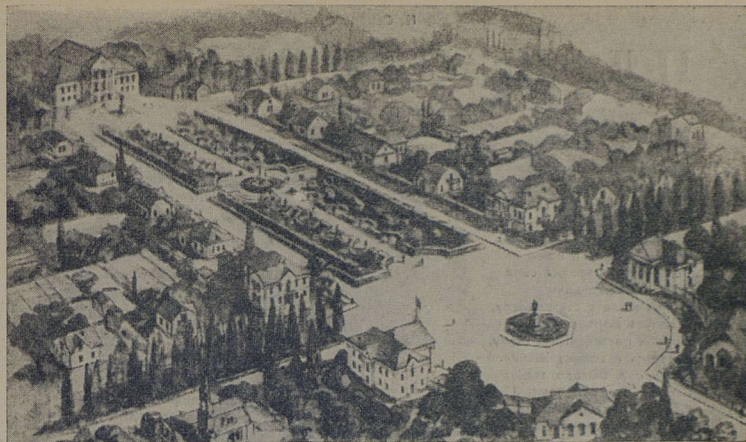
По стратегическим планам американской военщины, здесь, в живописной долине Рейна, полагается быть водному рубежу на случай войны, которую Уолл-стрит замышляет.

25 июня этого года американские капиталисты совершили ещё одно чудовищное преступление: они развязали войну в Корею.

На Корею падают американские бомбы. Её расстреливают американские дредноуты.

Гибнут корейские дети, рушатся дома, рисовые поля изуродованы воронками.

Американские правители столь же трусливы, сколь кровожадны. Они боятся, что их солдаты откажутся погнаться на чужой земле для удовлетворения ненасытной алчности капиталистов. Они потребовали помощи ООН (Организации Объединённых Наций). Генеральный секретарь ООН норвежец Трюеве Ли, забыв честь и совесть, обратился к правительствам 52 стран — членов ООН — с посланием, в котором просит выделить вооружённые силы для борьбы с Кореей. Военные корабли идут расстреливать Корею под флагом ООН, на голубом поле которого изображён символ мира — белый голубь.



Колхозники шести артелей Черниасского района, Киевской области, объединили свои хозяйства в один крупный колхоз, колхоз имени Сталина. Вот как будет выглядеть колхозный агрогород через 5 лет.

Корея сражается.

Народы всех стран следят за её героической, беззаветной борьбой с жарким участием, с верой в победу.

В эти суровые дни наша великая Родина твёрдо сказала:

«Мы не хотим войны! Мир! Мы хотим мира!»

Поднимаются молодые наши леса, высятся здания, строятся новые колхозы, шумят на заводах станки. Выходят комбайны на золотые поля. В Артеке плещутся волны о берег, и пионеры на пляже перебирают пёстрые камешки. Мимо памятников Огарёву и Герцену в университетские двери потоком вливается юность, и вчерашняя десятиклассница, дочь слесаря, Валя Иванова, на всю жизнь запомнившая пионерские костры и ласковые синие волны Артека, смело входит в аудиторию биологического факультета, выбрав сама своё будущее. Её светлые глаза полны ясной решимости:

— Хочу быть биологом! Хочу знать, как бороться с колорадскими жуками, чумными блохами, бактериологической заразой, какой нам грозит фашизм. Хочу помогать своей Родине! Учиться! Работать! Жить!

Миллионы советских людей поставили подписи под Стокгольмским воззванием.

Миллионы советских людей голосуют за мир, труд, науку, жизнь. Миллионы советских людей встали на вахту мира.

Нас ведёт Сталин, он побеждал во всех битвах. Битва за мир и мирный труд будет выиграна. На нашем знамени, в наших сердцах, в нашей Конституции начертан вечный закон жизни: труд — дело чести, дело славы, дело доблести и геройства.

В ответ / мракобесам Уолл-стрита, замыслившим взорвать человечество атомной бомбой, наша Родина говорит открыто, прямо и твёрдо: на земле будет мир!

Гордитесь своей Родиной, пионеры! Отдайте ей всю свою нежность и силы, все свои смелые, честные, чистые думы, дарованья, дела.

Мир победит войну!

Народы всех стран слышат голос казахского акына Омара Шипина — в его песне могучая воля Советской страны:

Под Стокгольмским воззванием,
в сердцах благородных рождённым,
Ставят чёткие подписи твёрдой рукой
миллионы.
Не посмеет никто зачеркнуть эту подпись
народа.

В ней — забота о счастье, в ней —
наша святая свобода.

ПЛАЩ ПАРТИЗАНА

Поэма

1

Там, где легла за рубежом
Французская земля,
В приморском городе большом
Жила одна семья.
Отец товары на суда
Грузил и день и ночь,
Чтобы хоть изредка сыта
Была малютка-дочь.
Семья жила в сыром углу,
В лачуге деревянной.
Но, как растеньице к теплу,
Тянулась к солнцу Жанна.
И как она, бывало, ждёт:
Скорей бы воскресенье!
Вот наконец он настаёт,
Желанный день весенний.

Совсем светло.

У очага

Уже хлопочет мать.
Миг — и Жанетта на ногах:
— Отец, пора вставать!

Они вдвоём уходят в путь,
Когда вокруг всё спит,
И небо спит,
И море спит,
И только ветерок чуть-чуть
В каштанах шелестит.
Отливом берег оголён,
Волною отутюжен.
Морские камешки на нём
Прекрасней всех жемчужин.
Жанетта возится в песке,
Уже слегка нагретом;
Отец прилёг недалеко,
Накрыв лицо беретом.
Как хорошо им тут вдвоём!
Вокруг такая тишь!
И всё — тебе,
И всё — твоё,
Куда ни поглядишь!

— За это всё пять лет назад
Глухой порой осенней
Сражался насмерть наш отряд
Бойцов Сопротивленья.
В те дни, спасая честь страны,
Отчины верные сыны
Шли смело в партизаны;
И много было среди них
Людей отважных и простых,
Героев безымянных,
Но всё, за что мы шли на бой,
Упорный и кровавый,
Всё, девочка, что нам с тобой
Принадлежит по праву,—
Всё это продано с торгов
И в руки отдано врагов...

Так старый докер¹ говорил
С дочуркою своей.
Он правду горькую открыл
Тогда впервые ей.

2

А время шло.

Сходя на нет,

За днями дни летели.
Дочь подросла. Ей десять лет
Исполнилось в апреле.
Жила б она у нас в стране —
Всего б имела вволю:
Сады сажала б по весне,
Зимой училась в школе.
Но ей, бедняжке, и во сне
Такой не снилось доли.
Не до ученья, коль нужда
Шныряет под окном.
А тут ещё пришла беда
И постучалась в дом.

3

Стоял июньский знойный день
Висела мгла над морем.
Хотя бы крохотная тень
Прокралась к ним во дворик!
Жанетта шила у крыльца,
Часы ползли к полудню.
Как скучно дома без отца!
И кажется, что нет конца
Тоскливым, серым будням.
Вдруг отдалённый смутный гул
Послышался Жанетте.
Как будто с моря к ним подул
Чужой, недобрый ветер.
Вот он в калитку ворвался,
Донёс глухие голоса,
Короткий всхлип,

негромкий плач.

И вдруг ей бросился в глаза
Отцовский старый плащ.
В нём восемь лет тому назад
В ненастный день осенний
Отец в атаку вёл отряд
Бойцов Сопротивленья.
Отцовский плащ!

Да, это он.

Весь пулями прошитый,
Насквозь ветрами просмолён,
В огне походов закалён,
Он от дождя с былых времён
Служил отцу защитой.

4

Но кто сейчас лежит под ним,
Накрытый с головой?

¹ Докер — портовый грузчик.



За мир!

Рисунок Д. Дубинского

Лежит неслышим, недвижим
На твёрдой мостовой?!

Уже предчувствуя беду,
Платок накинув на ходу,
Сбегала мать с крыльца,
И кто-то тихо поднял плащ
С бескровного лица...

Не надо, девочка, не плачь,
Но не забудь отца...

Он, как солдат, стоял в строю,
Он честно отдал жизнь свою
За всех отцов и матерей,
За будущее их детей,
Что к солнцу тянутся, как ты,
За их покой,
За их мечты,
За тысячи людских судеб,
Их мирный труд,

И кров,
И хлеб...
За то, чтоб день твоей весны
Безоблачным всходил,
Чтоб призрак атомной войны
По свету не бродил.
Не может старый партизан
Предать свою страну,
Не даст, чтоб хищник развязал
Жестокую войну.

Он до конца был смел и твёрд,
Как истинный француз,
Он первый вышвырнул за борт
Чужой военный груз.
Снаряды в ящиках — долгой —
С бортов летели вниз,
Кипел над вспененной волной
Фонтан весёлых брызг.
Высокой доблести пример
Он подал остальным,
Но полицейский офицер
Вдруг вырос перед ним.
Он с безоружными храбрец
И на расправу скор.
И рухнул навзничь твой отец
От выстрела в упор...

5

Назавтра близкие пришли
Похоронить героя,
И вырос свежий холм земли
Под липой вековой.
И от кладбищенских ворот
Весь день к могиле шёл народ.
В молчанье люди шли и шли,
Ведя детей своих,
И вражеские патрули
Не смели тронуть их.

За днями дни уходят вдаль,
Как грозовые тучи.
С годами сгладится печаль,
Но ненависть живуча.
То ненависть сирот и вдов;
Уж не в одной стране
Гремит её всесильный зов
Наперекор войне.

6

Убог и непригляден вид
Рабочего квартала.
Согнувшись под зонтом, спешит
Прохожий запоздалый.
Спешит, а дождик проливной
Пред ним стоит глухой стеной.

Но кто это вдоль пустыря
При скудном свете фонаря
Идёт, не разбирая луж,
В такую муть,
В такую глушь?!
Куда они бегут вдвоём,
Одним накрытые плащом,
Как школьницы-подруги?

Зачем заходят в каждый дом,
Стучат во все лацуги?..
Что за таинственный листок
Лежит, обёрнутый в платок,
Надёжно скрытый от дожда
В кармане их плаща?

Они стучат,
и в тот же миг
На их выходят стук
И, как друзей, встречают их
Пожатьем тёплых рук.
Сажают возле камелька,
Чтоб отогрелись хоть слегка.
И каждый бережно берёт
Бесценный тот листок,
И Жанна видит, как растёт
На нём колонна строк:
Столбцы фамилий и имён
Растут и ширятся на нём...

7

Мы их узнали, мать и дочь,
Вдову и сироту.
Они сегодня, в эту ночь,
На боевом посту.
Они сегодня стали в строй,
Чтоб заменить отца,
Свою судьбу с его судьбой
Связавши до конца.
И тот листок, что в тайнике
Хранится под плащом...
Какая мудрость в том листке!
Какая правда в том листке!
Какая сила в нём!..
В нём жизнь и счастье всех детей,
В нём утро их весны —
Простой ответ простых людей
Зачинщикам войны.
В нём тысячи людских судеб,
Их мирный труд,
И кров,
И хлеб,
И шум дубрава,
И яблонь цвет,
И тучные поля,
На нём спокойный, ясный свет
Далёкого Кремля!

8

А дождь всё льёт,
и льёт,
и льёт,
Унылый, затяжной,
И на пути у них встаёт
Тюремную стеной.
Но, если к свету ты идёшь,
Редает мрак,
Слабеет дождь
И не страшат невзгоды.
И радость бьёт в тебе ключом,
Когда надёжно защищён
Отцовским дождевым плащом
От бурь и несподы.



ВЕСНОЙ В ПОЛОВОДЬЕ

Виктор Баныкин

Рисунки П. Кузьмичёва

Отрезаны водой

Лёня понимал, что переправляться через Воложку на Старопосадский остров сейчас небезопасно; один он, пожалуй, и не решился бы на этот рискованный шаг. Но, когда мальчик подошёл к Воложке, по синевато-тёмному льду реки осторожно пробирались в сторону противоположного берега двое мужчин, и это придало ему смелости.

Недолго раздумывая, Лёня окинул быстрым взглядом узкую полоску воды, отделявшую его от ледяной крошки, разбежался и прыгнул. Лёд под ногами прогнулся и треснул, и едва мальчик успел переступить на другое место, как позади него что-то зазвенело и ухнуло в воду...

Выйдя на обтаявший берег острова, Лёня облегчённо вздохнул. Он сдвинул на затылок заячий маахай и вытер варежкой чуть порозовевшее лицо.

На обсохшем бугорке, поросшем прошлогодней ломкой осокой, стояли его случайные спутники: невысокий полный мужчина с прозрачными серыми глазами в мелких добрых морщинках и большеголовый парень в зелёном пиджаке из чёртовой кожи. Оба они с таким изумлением глядели на реку, словно никогда её раньше не видели.

Лёня тоже посмотрел на Воложку. И у него внезапно пересохло в горле. «Неужели это мы и в самом деле, — с волнением подумал он, — в самом деле только что тут прошли? По этому изъеденному солнцем и тёплыми ветрами грязному льду с озёрцами синей воды?»

Три дня тому назад никто не мог бы с уверенностью сказать, что на этой неделе надо ожидать вскрытия реки. Но вчера с утра над землёй засияло вошедшее в силу весеннее солнце, подул южный ветер. И там, где ещё утром лежал снег, к полудню появились проталины, в ложбинках и оврагах засверкала

таялая вода. По дорогам побежали весёлые, говорливые ручьи, а дружная капель не умолкала всю ночь. Лёд на реке за ночь вспучился, потускнел и сплошь покрылся острыми колючками. Теперь с часу на час Воложка могла тронуться.

— Ну и весна нынче, — покачивая головой, сказал полный мужчина. — Одним часом всё кончилось!

Лёня поднял на него карие глаза и проговорил:

— Я вчера днём Воложкой шёл. Лёд совсем ещё крепкий был.

— Чего днём! Я вечером тут проходил! — сердито крикнул парень, снимая с ноги промокший чёсанок.

С верховья, оттуда, где Воложка круто поворачивала к Старому Посаду, внезапно долетел сухой, приглушённый треск. И тут же лёд начал коробиться и прогибаться. Во всей Воложке что-то угрожающе затрепетало, заохало. Какая-то невидимая сила с весёлым озорством ломала и крошила лёд.

Мальчик зачарованно смотрел на реку, на большие льдины, напозающие одна на другую. Он совсем не думал об опасности, которая нависла над ним и его спутниками. Что бы добраться до Жигулей, правого, гористого волжского берега, им ещё предстояло пересечь остров и пройти по ледяному полю Волги.

Первым пришёл в себя полный мужчина. Шевеля лохматыми седеющими бровями, он сказал:

— Вы, ребята, чего же это?.. Волга ждать не будет.

Он поднял с земли мешок и легко вскинул его на плечо.

Стоя на одной ноге, парень отжал из портянки и шерстяного носка воду, обулся, поправил ремни висевшего за спиной рюкзака.

— Я вас, товарищ, где-то видел, — заговорил он, поровнявшись со своим старшим спутни-

ком. — Вы в прошлом месяце в Березанке не были? На совещании передовиков сельского хозяйства?

— Был, — ответил тот и посмотрел в обветренное веснушчатое лицо парня с коротким широким носом и рыжеватыми бровями.

— Тогда я вас там и видел, — обрываю от сказанного парень. — Вы, кажется, ещё выступали? Припоминаю... Колхоз «Волга»? Бригадир Савельев?

— Савушкин, Иван Савельевич.

— Правильно, вспоминаю! — парень хриловато засмеялся. — А я тракторист из Усольской МТС, Андрей Набоков.

Дорога сбегала в ложбинку. Лёня остановился на минуту и оглянулся. По Воложке медленно двигались льдины, а на песчаной косе посередине реки уже выросла огромная белая гора. На том берегу стоял Старый Посад. Этот небольшой, тихий городок с широкими улицами и невысокими, всё больше одноэтажными домиками казался необыкновенно привлекательным в лучах яркого солнца.

Мальчик ещё раз посмотрел на Старый Посад. В глазах у него зашипало, он недовольно насулил брови и стал спускаться под гору по скользкой, суглинистой дороге, изрезанной быстрыми ручейками. Причудливо изгибаясь, она тянулась через широкую светлую поляну, потом круто заворачивала вправо и скрывалась в чаще осинника.

Старопосадский остров, или, как его ещё называли, Середыш, был самым большим из многочисленных островов и островков в этих местах, отделявшим город от Волги.

В весеннее половодье Середыш чуть ли не весь затопляла выходявшая из берегов река. После спада воды остров зарастал буйными травами и славился лугами и дичью. Зимой на Середыше водились зайцы, лисы и даже волки.

Лёня свернул на обочину дороги, где земля уже начала проветриваться, и прибавил шагу. Немного погодя он догнал своих спутников.

— В эту зиму с ремонтом у нас столько маяты было! — рассказывал тракторист, то и дело заглядывая в лицо Савушкину, отчего ему приходилось идти как-то боком. Тракторист часто оступался в лужи жидкой, чмокающей грязи и не замечал этого. — Некоторые машины поизносились, запасных частей не хватает, а он, что вы думаете? Верёвкин этот самый? Ничего себе, спокоен!.. Наша бригада к первому января закончила три трактора. А с последним, четвёртым, засела. Подшипник нижнего вала коробки скоростей нужно менять, да запасных на складе не оказалось. Верёвкин, механик, одно твердит: «Ждать надо запчастей из Куйбышева». Пришли части, а подшипника нужного нет. Верёвкин опять своё: «Ждать надо. Должны ещё прислать запчасти...» Что вы на это скажете?!

— Ждать у моря погоды? — засмеялся Савушкин.

— Вот именно! — закивал головой Набоков. — А разве можно ждать, когда сев на носу? Наш бригадир Горюнов к Чуркину — директору. «Что же, — говорит, — это за безобразие?» Чуркин — письмо в Борковскую МТС. Мы с этой МТС пятый год соревнуемся. Ну, когда слу-

чается, и помогаю друг другу. Из Борковской МТС ответ: «Приезжайте, дадим подшипник».

Я говорю: «Дело такое, ждать дальше никак нельзя. По Волге четвёртый день санний путь прекратился. Начнётся ледоход — что тогда? Давайте, — говорю, — мне бумажку, я сейчас сам пойду в Старый Посад за подшипником».

Тракторист шумно вздохнул и полез в карман за папироской. Закуривая, он уронил две спички. Савушкин остановился и бережно поднял их.

— Что это вы делаете? — с удивлением спросил Набоков, оглядываясь на Савушкина.

— Может, пригодятся, — сказал бригадир. — Мы их на солнышке посушим.

— Да у меня спичек полный коробок. Если надо, — пожалуйте!

— А ты побереги их пока. Разные случаи бывают.

Набоков с недоумением посмотрел Савушкину в глаза. На лице тракториста заметно проступили тёмные веснушки.

— Думаете...

— Да нет, ничего не думаю, — мягко сказал Савушкин и улыбнулся. — Осмотрительным быть, скажу тебе, никогда не мешает.

Чтобы переменить разговор, он спросил Лёню:

— Ты, дорогой, чего это всё нас сторонись?

— Я? Нисколько. Вы разговариваете, а я... — смущённо начал Лёня и замолчал.

— Куда путь держишь?

— Домой, в Жигулёвск.

— С промысла, что ли?

— Ага. Папа у меня геолог. В Яблоновом овраге работает.

— Учишься?

— В шестом классе.

— Ну, а по какому такому делу тебя леший носил в Старый Посад? Разве не видел, что развезло? — полустрогим, полуслушаво спросил Савушкин.

Лёня покраснел и обиженно шмыгнул носом:

— Почему леший, когда я сам... К другу в больницу ходил... Он с бабушкой живёт. Отец с матерью на фронте погибли... Я Саме учебники отнёс и «Двух капитанов». Вадик Остапов дал. Вадика отец из Москвы привёз книгу, а он её Саме...

— А звать тебя как, приятель?

— Лёней.

— Теперь, можно сказать, и познакомимся, — не спеша проговорил Савушкин. Помолчав, он добавил: — Хорошо это ты делаешь — о товарище беспокоишься.

У Лёни дрогнули чёрные, как уголь, брови, и он с восторгом сказал:

— Вы ещё не знаете, какой Саша!

Вдруг Савушкин пристально посмотрел в глаза мальчику:

— Тебя из дому отпустили или ты того... тайком удрал?

Лёня наклонил голову и промолчал.

Кончился осинник, и опять потянулся холмистая серая равнина с одинокими берёзками и липами. Тут снега почти не было, лишь кое-где в ложбинах да на опушке в кустарниках виднелись белые прозрачные лоскутки.

Дорога стала подниматься в гору. Где-то недалеко, за тальником и осокорьями, маячившими на бугре, начинался крутой волжский берег.

Лёня раньше всех увидел Волгу. Нетерпеливый и порывистый, он взбежал на песчаный пригорок, вскинул над головой руку и весело прокричал:

— Стоит!

И вдруг у него подломились в коленях ноги, и он подался назад всем своим худым и лёгким корпусом. Рука медленно опустилась.

Лёня не слышал, как подошли и остановились рядом Савушкин и Набоков.

От быстрой ходьбы лицо у Савушкина раскраснелось, а на мясистом, шишковатом лбу выступил крупный, зернистый пот.

Из-под руки бригадир глянул на Волгу. Он даже не заметил, как с его плеча соскользнул и упал к ногам мешок.

Внизу, под обрывом, между берегом и ледяным полем, тихо колыхалось густое расплавленное золото заката. С каждой минутой эта золотая полоса делалась всё шире и шире.

Вначале могло показаться, что необычайно пустынная Волга всё ещё поспрежнему дремлет и, скованная льдом, терпеливо ожидает своего часа, и что если бы не плескающаяся внизу вода, которую нельзя ни перешагнуть, ни перепрыгнуть, то можно было бы свободно пройти через всё это огромное бледнозелёное пространство и достичь того берега с сиреневосиними горами. Но стоило только пригнуться, как уже всё становилось ясным: лёд тронулся.

Стоявшие на круче хорошо понимали, что переправиться на тот берег нет никакой возможности, но всё ещё не могли свыкнуться с этой мыслью и продолжали молча чего-то ждать, не отрывая от реки оторопелых взглядов.

С лица Савушкина сошла суровая задумчивость, он снова улыбнулся и сказал:

— Ничего, ребята. Одна головня и в печке гаснет, а две и в поле курятся.

— Что ж теперь делать? — упавшим голосом проговорил Набоков. — Меня в МТС ребята с часу на час ждут. А я... эх!

— Потерпи. Дня через три дома будем, — утешил бригадир.

Тракторист передёрнул широкими плечами.

— Слушать не могу, когда... когда ерунду говорят! — с сердцем закричал он. — Которую вёсну ледоход по десять дней идё!

— Ну, самое большое, скажу тебе, пять дней... Через пять — шесть дней на лодке можно будет переправиться, — сказал Савушкин.

Тракторист обернулся и схватил его за руку:

— А если сейчас попытаться?..

В это время на огромном бледнозелёном поле, медленно удаляющемся от берега, внезапно вздулся высокий синий горб. Не прошло и минуты, как что-то треснуло и ледяной горб раскопался, а на пенной воде заколыхались, завертелись мелкие, беспоконные льдины.

— Сейчас надо место для шалаша искать да шалаш до темноты поставить, — просто сказал Савушкин, поднимая с земли свой мешок. — Ну, пошли!

Первая ночь на острове

Песок на поляне давно просох, и вокруг было светло и радостно. Даже осинки с хрупкими голыми веточками, хоромоводом обступившие поляну, выглядели как-то празднично.

Некоторое время Савушкин, Набоков и Лёня стояли молча, оглядываясь вокруг, каждый со своими невысказанными мыслями.

— А тут хорошо! — просяня в улыбке Лёня.

Савушкин и Набоков посмотрели на мальчика и тоже улыбнулись. И на душе у всех вдруг стало легче. Каждый увидел что-то привлекательное и в этой полянке с видом на Волгу и в тихом апрельском вечере.

— Здесь вот, пожалуй, и расположимся, — неторопливо проговорил Савушкин. — Место высокое и сухое, вода сюда не скоро доберётся.

— И хворост рядом, — сказал Лёня.

Савушкин стащил варежку, ребром руки провёл по гладко выбитому подбородку и, обернувшись к Набокову, весело приступил:

— Так, что ли, как тебя... Андрей? Лучше этого места, пожалуй, и не найдёшь.

Набоков поглядел себе под ноги и вздохнул:

— Как хотите. Здесь, так здесь.

— Мы с Андреем шалашом займёмся, а ты дровишек натаскаешь, — обращаясь к Лёне, сказал Савушкин. — Так у нас всё и образуется по-хорошему... У тебя, Андрей, нож имеется?

— Есть, — ответил тракторист и полез в карман.

Когда мальчик направился к осинкам, за которыми начиналась роща, Иван Савельевич прокричал ему вслед:

— Леонид! Хворост выбирай посуше!

Свежо и тихо было в роще. Между ветвями просвечивало тускло-синее вечернее небо. Роща казалась прозрачной. В этой прозрачности была особая, необыкновенная прелесть. Слабый треск валежника, шуршание коричневой сухой листвы под ногами разносились далеко вокруг.

— Ну и глушь! — проговорил вслух Лёня и с любопытством огляделся вокруг.

Неожиданно со стороны поляны донёсся хрипловатый голос тракториста, что-то громко прокричавшего. Лёня вздрогнула и улыбнулась. «Поживём и в шалаше. Чего же тут особенного, — сказал он себе и принялся собирать топливо. — Зато ребята как будут мне завидовать!.. А Гринка Иванов, пожалуй, ещё и не поверит. «Выдумываешь, — скажет, — всё. Сам в Старом Посаде ледоход просидел, а сочиняешь, будто на острове был». А я ему скажу: «Раз не веришь, так и уходи давай, не слушай!».

«Дома тревожатся ещё со вчерашнего дня, — вспомнил вдруг Лёня. — Мама будет ждать: не застучит ли Лёнька в калитку? А завтра и в школе узнают ребята, беспокоиться станут. Ваня Обухов после занятий обязательно забежит к нам на квартиру».

При воспоминании о доме Лёне стало грустно. Он ушёл без разрешения, оставив на письменном столе отца, под логарифмической табличкой, записку. Но разве он знал, что так получится? Ведь он надеялся сегодня же под вечер вернуться в Жигулёвск. Саша уже две



С берёзы неожиданно поднялась чёрная птица и, лениво взмахивая крыльями, пролетела над оврагом.

недели лежит в больнице с переломом ноги, и его выпишут не раньше, как через месяц. Какой бы Дёня был друг, если бы не навел Сашу!

На поляну мальчик явился с большой вязанкой сухого хвороста. Он сбросил её с плеча и удивлённо сказал:

— Как у вас ловко выходит!

Около кольев, воткнутых в песок на небольшом расстоянии друг от друга, стоял Савушкин и заплетал их гибкими тальниковыми прутьями. У противоположной стенки будущего шалаша работала Набоков.

— Ловко, говоришь? — спросил Савушкин, подмигивая мальчику.

— Как корзинку плетёте! — сказал Лёня и прищёлкнул языком.

Иван Савельевич взял новый прут и тонким концом обернул его вокруг крайнего кола.

— Я и корзинки умею плести. Они, корзинки-то, знаешь, как нужны в нашем хозяйстве! — проговорил он.

Немного отдохнув, Лёня снова пошёл за хворостом.

Солнце уже опустилось за дальним лесом. Над горами вспыхнула грустная, одинокая звёздочка, но было ещё светло.

Лёня подошёл к оврагу, заросшему мелким кустарником. За оврагом начиналась низина. Каждую весну в разлив её затопляло. Водой сюда заносило много хвороста, щепок, а ино-

гда даже целые брёвна. Летом всё это зарастало высокой травой, осенью покрывалось опавшими листьями, а зимой — толстым слоем снега. Но приходила весна, начинался разлив, и снова в низине появлялась вода. И так каждый год.

На краю оврага Лёня остановился, посмотрел в вечерние сумерки и с удивлением сказал:

— Дровищ этих тут!

С берёзы неожиданно поднялась какая-то чёрная птица и, лениво взмахивая большими крыльями, медленно пролетела над оврагом. Птица пропала в сиреновой мгле. За каждым деревом попрежнему таилась насторожённая тишина.

У мальчика по спине вдруг пробежали мурашки, и он засуетился, собираясь в обратный путь.

Подходя к опушке, Лёня увидел между осинками красные язычки костра и ускорил шаг.

Савушкин встретил его шуткой:

— А мы с Андреем уж подумывать начали... Как бы, говорим, нашего молодца воки не съели.

Лёня подошёл к костру. Глаза его возбуждённо сверкали.

— Устал? — спросил Набоков.

— Нет. С чего же? Я птицу в лесу видел. Большая такая. Крылья огромные.

Иван Савельевич прошёлся вокруг шалаша,

что-то поправляя и доделывая, потом тоже присел у костра.

— Была бы солома, скажу вам, или сено, тогда и дождь не скоро промоchim бы,— проговорил он, запахивая шубник.

Набоков тряхнул головой.

— Ещё бы! Покрой шалаш соломой да подстилку из неё сделай, даже тепло будет,— согласился он.

— На подстилку завтра сухих листьев оберём,— заметил Савушкин.

Помолчали.

— А у нас дома сейчас чай, наверно, пьют,— задумчиво сказал Лёня и поёжился.

— В Жигулях у нас мельник был. Это ещё до того, как колхозы народились,— заговорил Иван Савельевич.— А жена у этого мельника чай больно любила. За один присест могла целый самовар выпить. Ведёрный. Самовар выпьет, связку сладких кренделей съест, и хоть бы что ей. Только размочает вся. «Ох,— скажет,— и умерилась я. Как есть на жнитве была!» А через какой-нибудь час опять за самовар.

— А когда же она работала?— спросил Лёня.

— Мельник шесть работников имел да кухарку. Они за неё и работали,— ответил Савушкин.— Про скупых да жадных раньше говорили: «У него на рождество снегу не выпросишь». Такими и мельник со своей женой были. Чаем никого не угостят, бывало. Вот раз пришла к мельничихе соседка — бабка Степанида. Одинокая была старуха, бедная. Зимой это дело было. А у старухи третий день печка не топлена. И есть нечего. Пришла она к богатой соседке, думает: «Может, чайком угостит». Весь день просидела у порога, да так и ушла ни с чем... А потом, когда мельника в тридцатом году раскулачили, мы этой самой старушке и говорим: «Бери, бабка Степанида, мельничихину корову и самовар. Ты у них пять лет гусей пасла, а они тебе за это и рублёвки не заплатили. Теперь, при колхозной жизни, всему трудовому крестьянству дышать будет вольготнее, и ты у нас не отрезанный ломоть». Всё помирить собиралась бабка, а тут раздумала и до сорокового года дождала. Самой главной деда-тницей на ферме была. «Я,— говорила всё,— лишь теперь увидела, что такое жизнь».

Иван Савельевич замолчал. Немного погодя он улыбнулся и толкнул Лёню в бок:

— А неплохо бы чайком сейчас побаловать-ся, а? Как ты думаешь, хватило бы нам ведёрного самовара?

Лёня засмеялся.

— Я с конфетами люблю чай. А сахар не люблю,— сказал он.

— С конфетами? А может, у меня и конфеты есть. Не веришь?— Савушкин взял из-за спины мешок и стал его развязывать.— Я в Старый Посад прощайся с братом ходил. Он в райспокмоке работал. Теперь его на другую работу перевели, в город Чкалов... А тут вот гостинцы всякие моей старухе.

Иван Савельевич вынул из мешка бумажный пакет и осторожно его развернул.

— Ну, что, видишь? Печенье и конфеты. И название у конфет по сезону: «Весна».

Иван Савельевич ещё пошарил в мешке.

— Больше съестного нет. Лежит всякая всячина: отрез на платье, шаль и ещё что-то,— сказал он.— Пирогов хотела заввернуть Зоя, жена брата, да я не велел. Куда, говорю, их, искрошата все. Моя старушка сама каждое воскресенье пироги печёт.

Лёня вдруг покраснел и торопливо полез в карман кожаной куртки.

— А у меня пирожок есть. С мясом,— смущённо сказал он. На мешок, рядом с конфетами и печеньем, мальчик положил бумажный свёрток.

— Теперь мы совсем богачи. Ещё бы мельничихи самовар — и распивай чай до утра! — проговорил Иван Савельевич, поглаживая колени.— Верно, Андрей? Я так думаю, пирожок оставим на завтрак, а сейчас получайте по конфетке и печенью на нос.

Набоков, всё это время молча сушивший чёсанок, наклонил голову и подавленно сказал:

— У меня ничего нет... В сумке подшипник и папиросы. Я... я обедаю вас не стану.

Савушкин пристально посмотрел в лицо тракториста, покрывшееся багровыми пятнами.

— Ты вот чего... дурь всякую из головы выкинь! — строго промолвил Иван Савельевич.— «Обедаю не стану...» И как ты про нас понимаешь?

С Волги поднимался ветер. Он как бы нехотя заводил свою тоскливую песню, тормоза на опущие тонкие осинки. Слышно было, как шумели деревья, задевая одно за другое: голыми ветками.

Дрова в костре прогорали, пламя меркло. Дыхание ветра долетало и сюда, гасило слабые язычки.

Лёня повернулся к Савушкину и положил руку на его колено.

— А ты почему не едите?

— А ты разве забыл, что я в гости к брату родному ходил? У меня живот пирогами набит,— с добродушной усмешкой сказала Иван Савельевич.— Я теперь дня три есть не захочу.— Помолчав, он добавил, позёывая: — Давайте-ка, ребята, спать...

В шалаше было тесно и холодно. И хотя Иван Савельевич загорюлил входное отверстие кусками коры, продувало со всех сторон. Когда налетал сырой ветер, шалаш дрожал, словно в ознобе.

Они лежали, тесно прижавшись друг к другу. Лёня Савушкин укрыл толстым мешком.

— Так теплее будет. Спи себе, не ворочайся. Тебе между нами, как возле двух печек,— сказал Иван Савельевич.

Тонкие сухие хворостинки, разбросанные по песку вместо подстилки, трещали и ломались под тучным телом Савушкина. Он не спал. Не спали ещё, как он об этом догадывался, и Лёня с Андреем. Ивану Савельевичу казалось, что мальчик лежит с открытыми глазами и, может быть, даже чуть мокрыми от слёз, и думает о доме. Савушкин решил отвориться спящим и принеся похрапывать.

А Лёня в это время и в самом деле лежал с открытыми глазами, уставясь в непроглядную тьму, и мысленно переносился то в школу, в шумный шестой «А», то домой, в свою светлую комнату. Как ему хотелось сейчас подойти к этажерке с любимыми книгами или

лечь в чистую постель под тёплое шерстяное одеяло!

Любочка, сестрёнка, наверно, тайком от мамы часто забегает в комнату, садится за стол и, болтая ногами, рисует на чём попало нефтяные вышки, горы, зайчиков... А в школе завтра первым уроком будет физика — любимый предмет Лёни. Потом Конституция, география... А послезавтра?.. Послезавтра он опять не будет на уроках. Сколько же дней придётся им просидеть на этом острове? И что они будут есть? Вот даже сейчас так хочется есть... Интересно, какой обед нынче готовила мама? Но лучше об этом не надо...

Время ещё не позднее, и Саша, наверно, читает сейчас «Двух капитанов». Саше даже и в голову прийти не может, что его приятель застрял на Середыше! Он так обрадовался, когда увидел Лёню, что чуть не вскопал с кровати, хотя ему совсем нельзя вставать.

Постепенно глаза стали слипаться, а мысли в голове путаться. Лёня всё ещё пытался думать о друге, а перед глазами уже стоял высокий плечистый человек в меховой шапке и таких же меховых сапогах, перетянутых под коленями ремешками. Кажется, это... капитан Татаринов? Ну, конечно, он!

На секунду Лёня разомкнул веки, и видение пропало.

— Где же капитан Татаринов? — беззвучно шепеля губами, спросил он и тут же сразу крепко заснул.

...Прошло, вероятно, не меньше часа, а Иван Савельевич всё ещё никак не мог задремать. Одолевали всякие мысли. Савушкин кричал, поправляя в головах кучку хвороста, прислушиваясь.

Когда с поляны вихрем уносился шальной ветер, тревожно повсхлывая и подвывая, на минуту наступала беспокойная тишина и становилось слышно, как на той стороне реки тоскливо гудели Жигулёвские горы.

В жаркий летний день Жигули, одетые в яркую, весёлую зелень, так чётко отражаются в изгибающейся от зноя, дремлющей Волге, что трудно отгадать, какие же горы настоящие. Это величественное зрелище напоминает сказочное видение. Да и в тихий сентябрьский полдень от этих исполинских гор, разукрашенных осенью в причудливые, пёстрые краски, невозможно оторвать взгляда. Но какими страшными бывают они в долгие зимние бураны или тёмные ненастные апрельские ночи во время вскрытия Волги! В такую пору на много километров вокруг разносится протяжная, гнетущая песня Жигулей, наводящая тоску на самого весёлого человека.

А что в это время делается в горах! С дикими воплями носится буревой ветер по скалистым хребтам, с треском ломая столетние дубы и сосны, пригибая к острым камням податливые берёзки, сбрасывая в пропасти многолюдные известняковые облыны.

Немало натерпится страху одинокий путник в этакую непогоду в Жигулёвских горах. А ещё хуже, если придёт ему в голову шальная мысль в такое время переходить известную в этих местах жигулёвскую «трубу» — овраг, отделяющий гору Лепёнку от Молодецкого кургана. Зимой по этой трубе ледяные длинные ветры Жигулей с ураганной си-

лой несутся к Волге, сметая всё на своём пути. Здесь нередки случаи, когда ветер валит с ног лошадей, перевёртывает сани.

Давно, когда Иван Савельевич был ещё молодым человеком, прихватила однажды его в горах непогода.

«Если бы не молодые годы, пропал бы я тогда», — подумал Савушкин.

Он начал дремать. Ему уже мерещилось, что идёт он по полю и светлозелёная пшеница с золотым отливом волнуется под ветром, то вздымаясь, то опадая, словно медленно ходят ленивые волны, как вдруг Набоков запальчиво сказал:

— А это посмотрим! Дайте сюда поршневой палец...

Иван Савельевич очнулся, приподнял голову:

— Андрей, ты не спишь?

Никто не ответил.

«Тоже, выдать, из неспокойных. И ночью тракторами грезит», — подумал Савушкин и стал медленно погружаться в глухую, липкую тьму.

Спали они всю ночь тревожно. Одолевал холод. Особенно сильно донимал холод Лёню. Короткая кожаная куртка и мешок грели плохо, и мальчик часто просыпался. Дрожа всем телом, он садился и поджимал к груди закочевшие колени.

Ярдом в темноте ворочался Набоков.

Пронсуюсь и Савушкин. Он крикнул, завозился и тоже сел.

— Кто зубами щёлкает? — спросил Иван Савельевич и, выткнув руку, схватил Лёню за локоть. — Ты, Лёнька?

Мальчик ничего не ответил.

— Ну, ты, голова... — проворчал Савушкин и расстегнул шубяк. — Садись ко мне на ноги... Ближе.

Он завернул Лёню в широкие полы шубяка.

А над Волгой повсюду бушевала непогода. Но где-то совсем рядом заорно журчал ручей. И было отраднo слышать в этой непроглядной мгле беспокойной ночи весёлую песню побеждающей весны.

— Лёня, ручёк... Слышишь? — шёпотом спросил Иван Савельевич.

Лёня не ответил. Он уже спал, укнувшись лицом в мягкую шерсть тёплого шубяка.

Савушкину было неудобно сидеть, хотелось положить ноги на другое место, но он боялся потревожить мальчика и не шевелился.

К утру стихло, но не прояснилось. Небо было затнуто линочными облаками, низко нависшими над землёй и закутавшими в своё лохматое одеяло вершины Жигулёвских гор.

Встали на рассвете и долго отогревались у костра, хмурые, молчаливые.

Внезапно Савушкин поднялся и зашагал к берегу. Остановившись у глинистого обрыва, он медленным взглядом обвёл реку.

По Волге во всю её непомерно огромную ширину несло лёд. Лыдины тёрлись одна о другую, задевали краяи о берег, налезали на песчаные отмели, и над рекой стоял ровный глуховатый шум. Сырая туманная пелена ещё висела над противоположным берегом, и горы были видны не чётко, как будто их закрывал кисейный полёт.

— А рано ещё, — сказал Набоков, подходя к берегу.

Иван Савельевич не спеша достал карманные часы на мягком чёрном ремешке.

— Десять минут восьмого, — ответил он и, помолчав, добавил негромко, как бы для себя: — Дома сейчас я бы и на конюшне бывал и в кузницу заглянул. Без дела, скажу тебе, жить совсем невозможно. Вот вечером дегали, а заснуть не могу. Ну, чего, спрашиваю, тебе надо? Семена у тебя готовы — сам по зёрнышку отбирал. Тут тебе не только весенний инвентарь к делу приготовлен, тут тебе и жнейки и сортировки на полном ходу. А кони, если желаешь знать, такие, что никакая критика не боится. Вот какие кони... Получается всё, как надо, а душа не на месте. Ну, скажи, не на месте, да и только!

Взгляд Ивана Савельевича упал на прогнувшуюся под берегом зубчатую полосу песка с торчащими кое-где по ней молодыми тополевыми кустами. У него зашевелились и полезли вверх брови.

— Прибьль-то какая! Ну и ну... — покачивая головой, сказал Савушкин. — Вчера вон этот куст на сухом месте был, а за ночь он в воде очутился... Хворосту надо больше натаскать. А то скоро тут вокруг всё затопит.

— А я думал, к утру непременно мороз тянет. Эх, и холодище был! — проговорил Набоков, потирая руки.

— Это от ветра. Ветер весь лёд сломал, — сказал Иван Савельевич. — Тепло будет. Всю ночь где-то рядом ручей журчал.

Набоков и Савушкин вернулись к затухающему костру. Лёня сидел на кучке хвороста и спал, уткнувшись лицом в колени.

— Малый-то наш, как курёнок, свернулся. Разобрало в тепле, — вполголоса заметил Савушкин. Вокруг глаз у него собрались ласковые морщинки.

Лёня поднял голову и, оглядевшись, торопливо выпрямился. Заспанное лицо его с полуоткрытыми губами, яркими и свежими, словно красная смородина, застенчиво улыбалось.

Савушкин шагнул к мальчику, собираясь что-то ему сказать, но внезапно поблелел и отшатнулся назад.

— Что с вами? — встревоженно вскричал тракторист и неловко схватил Ивана Савельевича за плечо.

Подбежал и Лёня.

Иван Савельевич шумно вздохнул.

— Напугал я вас? — виновато спросил он и опустил на хворост.

Во время завтрака он старался не глядеть на Лёню. Только один раз украдкой бросил он на мальчика быстрый, беспокойный взгляд.

«Почему я вчера не заметил сходства... Глаза и губы... И улыбка эта. Ну, вылитый сынок, когда он таким же вот шустрым пареньком был», — думал с тоской Савушкин, уставясь на потускневшие угольки и чувствуя, как всё ещё беспокойно бьётся встревоженное сердце.

Вода всё прибывает

С утра солнце пряталось где-то за светлыми, полупрозрачными облаками. Но к обеду день разгулялся, и прямо над рощей в далекой голубой вышине засверкало солнце. Ста-

ло совсем тепло. Запахло талой землёй и проशीлогодными листьями. От Воги потянуло прохладой, приятной и освежающей.

В роще было необыкновенно шумно.

— Лёнька, ты чего там возишься? — кричал раскрасневшийся Набоков, взваливая на плечо тяжёлую вязанку хвороста. — Я пошёл!

За высокими берёзками мелькала тонкая фигурка Лёни с охажкой валежника в руках. Мальчик торопливо шагал к старому, покосившемуся осокору, возле которого лежала кучка дров.

— Я тоже сейчас! — ответил Лёня, и его звонкий голос разнёсся по всей роще.

— Отстаёшь, — говорил тракторист, направляясь к поляне.

— Это ещё посмотрим, кто останется! — запальчиво закричал Лёня. — Правда, Иван Савельевич?

— Я тоже так думаю, — подал голос Савушкин. — По всему видно, что мне быть последним. Где за вами, молодцами, угнаться!

...Под вечер Савушкин сказал, окинув взглядом сложное у шалаша топливо:

— Я так соображаю, молодцы, хватит нам этих дровишек. А теперь давайте посидим, отдохнём.

И бригадир зашагал к берегу, на ходу отряхиваясь от прилипшихся к одежде листьев и кусочков коры. Он ласково потрепал Лёню по плечу:

— Садись, дорогой рабочий, садись!

И первый опустился на песок.

Лёня поправил малахай и ничего не ответил, уставясь на Волгу. На виске у него просвечивала и билась синяя тоненькая жилка.

Вода на реке прибывала быстро, затопляя песчаные отмели, островки, подмывая крутые берега. Сильное течение стремительно несло огромные льдины, словно это были не многотонные глыбы, а тонкие, хрустящие вафли. Вместе со льдом плыли желтовато-красные брёвна, лодки с пробитыми боками, плетни. На одной льдине лежал на боку остов разбитого дощаника, похожий на скелет рыбы-гиганта. Иногда пропывали тополя или клёны с шапками грациных гнёзд. Над их голыми вершинами кружились галки и вороны.

На перекатах возникали высокие заторы. Большие льдины напозаили одна на другую, падали, раскалывались на мелкие сверкающие куски, а на их место уже громоздились следующие. Потом эти хрустальные горы внезапно разлетались в разные стороны, поднимая столбы водяной пыли.

Лёня сидел у самого обрыва. По лицу мальчика блуждала светлая, тихая улыбка. Лёня казалось, что можно часами, не отрываясь, глядеть на эту захватывающую картину ледохода.

Савушкин, Набоков и Лёня долго молчали, наслаждаясь теплом, прислушиваясь к веселому гомону птиц в пёстрой от яркого света роще.

— Припекает-то как! — вдруг сказал Иван Савельевич и, сощурившись, закинул назад голову. — К севу время идёт... Люблю эту пору. Ни вздохнуть, ни охнуть некогда. Каждая минута дороже золота.

Тракторист улыбнулся.

— Я тоже, — заговорил он оживляясь. — Вокруг простор, солнышко греет, ветерок души-

стый бьёт в лицо, а ты гудишь на всю степь! Даже сердце от радости замирает. Так бы с трактора и не слезал.

Иван Савельевич сдвинул к переносью брови, поморщился.

— Надо же случиться такой беде! — с досадой в голосе проговорил он. — Самые что ни есть считающиеся дни до посевной остались, а мы... Не знаю, что готов сделать, только бы скорее выбраться отсюда!

У Набокова потускнели глаза и на лбу собрались морщинки. Смяв недокуренную папиросу, он катал её между огрубевшими от работы пальцами и ни на кого не глядел. Спусти несколько минут Андрей подався всем телом в сторону Савушкина и сказал:

— Иван Савельевич, а если сделать плот? Действительно, а?

Отковырнув от голенища сапога красноватый комок глины, Савушкин подержал его на ладони, пристально разглядывая, потом бросил и немного погодя проговорил:

— Думал я об этом... На плоту хорошо по чистой воде... Вот на лодке — другое дело. На лодке, скажу тебе, даже и со льдом можно. Вакенщики плавают.

Лёня поднял на Ивана Савельевича глаза и спросил:

— Как же теперь? Может, кто за нами придет. Но как узнают, что тут... люди?

— На том берегу сейчас с утра и до ночи рыбаки. Они, наверное, ещё вчера наш огонёк приметили, — сказал Савушкин. — Могут приехать. Я волгарей знаю. Народ отчаянный! Но плот делать нам не миновать всё-таки. Прибыль вон какая!.. Завтра пойдем брёвна искать. Иной раз осенью в ненастье потреплет который плот, а потом к берегу и начнёт брёвёшки прибивать.

— Затаянется ледоход, и сиди тут, — уныло протянула Набоков. — Мы вот с бригадой слово дали — первыми в районе посевную закончить.

Тракторист отвернулся.

— И закончите. Раз есть такое стремление, — значит, своего добьётесь, — сказал Иван Савельевич. — Чуркин ваш, должно быть, не убивается, как ты... Увидел я прошлый раз его на совещании и удивился. Ну и распондел!

— Он совсем таким не был, когда в МТС приехал.

— Да-а... — задумчиво проронил Савушкин. — Хуже вашей МТС и в области не было. А Чуркин вытасил. Это верно. В каком это году третье место заняли?

— В сорок четвёртом, — сдержанно ответил Набоков и, секунду помедлив, с затаённым раздражением добавил: — А потом назад ста-



— А вот как. Смотри сюда... — Лёня провёл на песке первую черту.

ли пятиться. В прошлом году на седьмое место переключался. От прежнего Чуркина мало что теперь осталось.

— По всему видно: завяжничал мужик, — заметил Иван Савельевич.

— Вначале он горячо за дело принялся. И под брюхо трактору не гнушался при случае залезть — сам когда-то таким же был, как и мы. Поджарый, увёртливый, везде поспевал. А как заняла МТС третье место, стали про Чуркина в газетах писать, так у него и голова закружилась. Как речь какую станет говорить, обязательно: «Наши успехи... Наша передовая эмгесса...» Его теперь вперёд на буксире надо тащить!

— Так уж и на буксире? — переспросил Савушкин.

— Непременно! — тракторист метнул в сторону Савушкина сердитый взгляд. — По рассуждению нашего директора, седьмое место тоже ничего, вроде как почётное. Мало ли в области МТС, которым было бы желательно выбраться на это самое место? А потому зачем волноваться, когда и так хорошо? Чуркина теперь одно беспокоит: как бы удержаться на занятых позициях. Отсюда и всякие послабления пошли. Заниженные требования к качеству работы. Это вам раз. Потом стремление план выполнять за счёт таких работ, которые полетят. Это два. И ещё — несоблюдение агротехнических сроков... Действительно, что получается? Прошлую весну одна бригада чуть ли не до июня села!

— А теперь как будет? — спросил Иван Савельевич. Он слушал Набокова с вниманием, изредка пристально всматриваясь в его простое, открытое лицо. Приветливый, немного задумчивый этот взгляд как бы говорил: «Вон ты какой! Ершистый!»

— Теперь Чуркину трудно будет. — Андрей сощурил смелые, усмешливые глаза. — Все трактористы взяли повышенные обязательства. А ребята из той самой бригады, которая прошлую весну с севом затаяла,

знаете, что решили? За шесть дней уложиться с семом. Тысячу гектаров выработки на каждый трактор! И чтобы обязательно высокий урожай собрать. Стопудовый. Понимаете? И выполнят, конечно. Такой у всех подъём!..

Набоков задумался.

В молчании прошло несколько минут. Вдруг Лёня, всё это время что-то чертивший прутиком на песке, громко сказал:

— Правильно. Вот так и сделаем!

Набоков взглянул через плечо мальчика.

Лёня покосился на тракториста и, смущившись, торопливо провёл ладонью по песку, исчерченному какими-то фигурками.

— Ты чем тут занимаешься? — спросил Набоков.

— Так просто, — неохотно ответил мальчик.

— Нет, правда? — не отставал тракторист.

— Схему какую-то набросал... Радиоприёмника, что ли?

Лёня быстро повернулся к Набокову. На щеках у него проступил горячий румянец.

— А ты почему знаешь?

— Знаю! Сам двухламповый собрал.

— А мы в школьном радиокружке детекторные делаем, для подшефного колхоза! — с живостью заговорил Лёня. — Знаешь, сколько уже изготовили? Тридцать один! А сейчас я новой конструкции монтирую. С вариометром. С ним лучше настраивать приёмник на нужную волну.

— С вариометром? — переспросил Андрей. — Постой, постой... А как ты крепление катушек думаешь устроить?

— А вот как. Смотри сюда... — Лёня взмахнул прутом и провёл на песке первую черту.

Набоков наклонился и всё время, пока говорил мальчик, не проронил ни слова. А когда Лёня кончил, тракторист взял его за плечи и крепко стиснул в своих руках:

— Ух ты, молодчина! Работает голова!

Лёня опять покраснел.

— Это мне Саша подсказал, — проговорил он. — А сам бы я, может, ещё не скоро... Саша у нас тоже двухламповый собирает... Ему теперь немного осталось. Выйдет из больницы и закончит.

Вывсвободившись из объятий Андрея, Лёня облизал пересохшие губы и вздохнул:

— Пить что-то хочется.

— Представь, и мне тоже. Будто вкусного чего-то поел, — усмехнулся Набоков.

Иван Савельевич очнулся от задумчивости. Снял шапку и, поглаживая лысину, сказал:

— Пить захотели? Вода рядом. В Волге её вон сколько. Пейте себе на здоровье!

— А из чего пить? — спросил Лёня и с огорчением добавил: — У нас даже... стакана нет.

— Нет! — Савушкин засмеялся. — А хочешь, стакан появится?

У Лёни засверкали глаза. Какое-то мгновение он колебался; наконец утвердительно кивнул головой:

— Хочу!

— Закрой глаза, — потребовал Иван Савельевич.

Мальчик зажмурился. Когда же он поднял веки, на ладони у Ивана Савельевича, улыбающегося во всё лицо, действительно стоял стакан. Но стакан этот был не из стекла, а из коры берёзы.

Лёня взял в руки этот необыкновенный —

лёгкий и белый, с редкими, чёрными крапинками — стакан и внимательно оглядел его со всех сторон.

— Какой хороший! Очень даже, — сказал мальчик. — Когда вы его сделали?

— Кто умеев — долго ли?

Похвалил берестяной стакан и Набоков: — Работа чистая. Если не течёт, совсем ловко.

— Попробуйте, попробуйте, — хитровато постеснявшись, проговорил Савушкин.

Тракторист молча встал, спустился под берег. Присев на корточки, он вытнул руку и дном стакана принялся разгонять с поверхности воды в разные стороны мелкие острые льдинки. Потом зачерпнул в стакан воды и начал пить.

Савушкин и Лёня стояли у обрыва и смотрели вниз. Выпив воду, Набоков опять наполнил стакан водой и пошел в гору. Лёня нагнулся и взял у Андрея стакан.

— Течёт или нет? — спросил Савушкин.

— Первый сорт — и всё тут! — засмеялся тракторист. — Умеюму мастеру спасибо.

Мальчик приложил к губам гладкий и холодный край стакана. Вода в берестяном стакане пахла сосновой смолой.

— Вы доньшко смолой обмазали, — сказал он. — Потому и не течёт.

— Молодой, а догадливый! — усмехнулся Иван Савельевич. — Ох, и засиделся я с вами, уж и вечер начинается, а мне ведь сходить надо кое-куда.

— А куда вы собираетесь? — спросил Лёня. Савушкин огляделся по сторонам.

— Потом скажу. Потом. Ты пока помади-вай.

— Мне с вами можно? — шёпотом спросил Лёня.

— Вы пока с Андреем в рощу за сухими листьями отправляетесь, — ответил Иван Савельевич. — Я вернусь скоро.

Савушкин пересёк поляну и скрылся за осинками.

— Пойдём-ка в рощу скодим, — проговорил тракторист. — Иван Савельевич правильно сказал. На сухих листьях и спать будет теплее.

Выбравшись из зарослей осинника, Иван Савельевич на секунду остановился, окинул взглядом дуга с маячившими кое-где на холмах деревьями и повернул налево. Он шагал по еле приметной тропинке, тянувшейся вдоль кустарника, и думал о сыне.

Так вот и кажется, что было это всего лишь прошлым летом, а не двенадцать лет назад... Помнится, сыншишка, тонкий и подвижной, как Лёня, выпрыгнул тогда на берег, едва лодка приблизилась к песчаной отмели.

— Фадеевич! — закричал он и, минув отлогую тропинку, пошел вверх, по крутому обрыву, цепляясь смуглыми от загара руками за тальниковые прутики.

На посту бакеншика Фадееча, приятеля Савушкина, сын проводил по две-три недели каждое лето. Мальчик помогал бывалому волгарю зажигать и тушить бакены, тралить фарватер участка, удля рыбу, запоем читал взятые из библиотеки книги.

Вернувшись однажды домой от Фадееча, он ещё с порога сказал:

— А вы знаете, какую зверюгу я видел? Нет?... Ася! Самого настоящего!

И стал рассказывать, захлебываясь, размахивая руками. От возбуждения у сыншки раскраснелось лицо.

— ...Я на берегу стоял. Вдруг слышу, позади треск какой-то и топот, — рассказывал он, одергивая вылезшую из-под пояса рубашку. — Оглядываюсь, а из-за кустов... Ты понимаешь, папа, я и подумать ничего не успел, а он как из-за кустов вымахнет... Как вымахнет! Большой такой, с огромными рогами. Ну и рожищи! Ты никогда таких не видел. Так в разные стороны и торчат... Аось подлетел к берегу, да как прыгнет под откос, прямо в воду. И поплыл. Тут и Фадеич выбежал из своей избушки. А аось уж далеко. На ту сторону поплыл... Фадеич сказывает, что аось этот из Жигулёвского заповедника. «У нас тут, — говорит, — корма хорошие: рябины много. А для аоса ветки рябины — самый сладкий корм. Вот он и приплавал сюда, лакомка».

Последний раз сын гостил у старого волгара в сороковом году.

— Подумать только, — говорил Фадеич, похлопывая по плечу стройного юношу, — ведь будто недавно был вот такой парнишечка, а теперь извольте видеть — студент! Будущий агроном! Научный человек!.. Что ты на это скажешь, Савельич?

А на другой год... Но лучше об этом не вспоминать.

Иван Савельевич тяжело вздохнула и посмотрел на небо. Солнце уже склонилось к дальнему леску. Вот-вот его большой раскалённый диск коснётся верхушек деревьев, и тогда лесок, казалось, вспыхнет малиново-багровым пламенем.

«Теперь недалеко. Скоро и Чёрный буерак. А за ним рукой подать до того места», — сказал про себя Савушкин.

Четверть часа спустя Савушкин подошёл к Чёрному буераку. Этот неширокий, но глубокий овраг, тянувшийся от берега Волги, так назывался потому, что на дне его всегда падалескивала вода, сверху казавшаяся густой и чёрной, словно дёготь. Сейчас в овраге ещё лежал снег, но уже кое-где на нём проступили тёмнобурые пятна.

Тропинка привела Ивана Савельевича прямо к мостику. Когда-то давно у Чёрного буерака стояла старая широкая ветла. Однажды в ураган дерево с корнем вывернуло из земли, и оно упало, перекинувшись вершиной на другой берег оврага. Со временем ветла покрылась мхом, но попрежнему казалась крепкой и продолжала служить мостом.

Но всё же, прежде чем встать на ствол дерева обеими ногами, Савушкин надавил на него носком сапога.

«Не то что одного — двоих выдержи!» — подумал Иван Савельевич и уверенно тронулся вперёд, слегка расставив руки. — Всё-таки на обратном пути придётся идти в обход буерака, а то с поклажей в темноте тут не проскочишь».

До противоположного берега оставалось не больше двух — трёх шагов, когда дерево внезапно глухо затрещало и рухнуло вниз. Взмахнув руками, Савушкин тоже полетел на дно оврага.

...Вечерело. Где-то за рощей разгорелась

яркая зоря. Между деревьями ложились длинные тени, а в оврагах и ложбинках уже стелилась белой пеленой туман.

Набоков и Лёня шли по уютанной за день тропинке. Андрей поймал мальчика за руку и сочувственно спросил:

— Есть сильно хочешь?

И, не дожидаясь ответа, протянул ему горсть тёмноокрасных ягод шиповника.

— Полный карман набрал... Тут их много.

— Спасибо, — поблагодарил Лёня и стал жевать душистые кислотовые ягоды.

Несколько шагов прошли молча.

— А вот и Юпитер показался, — сказал Набоков. — Вон между теми деревьями светится. Вдруг он поморщился и плюнул.

— Разве это еда? У меня всегда такой аппетит, а здесь... — заворчал Андрей и тут же смолк. Через минуту он добавил: — Да это всё пустяки. Как-нибудь перетерпим. Главное — скорее бы отсюда выбраться. Так, что ли, Лёнька? Перетерпим ведь, а?

Мальчик мотнул головой: рот у него был набит ягодами.

Из рощи они возвращались в сумерках. Тракторист нёс на плече пузатый мешок, набитый листьями, а у Лёни на спине большим горбом торпачился рюкзака.

Снова начинался ветер. Лёная порывами, он поднимал с земли тучи полустелшей листвы и разбрасывал их в вышине, будто пацкай коричневými мазками синева-лиловое, быстро тускнеющее небо.

— А Ивана Савельевича не видно. Не вернулся ещё... — сказал Андрей, выходя на поляну.

Лёня, шедший впереди Набокова, внезапно остановился и закричал:

— Крыса! Вон пробежала, вон!

— Экая невидаль, — спокойно проговорил тракторист. — А ты разве днём не видал их в роще?.. Они плавают, черти, здорово!

— Она из шалаша выскочила, — мальчик взмахнул рукой и помчался что есть силы к шалашу.

Бумажный пакет, обвязанный верёвочкой и ещё утром подвешенный Савушкиным к самой перекалядине, попрежнему был на своём месте. Но лишь Лёня дотронулся рукой до пакета, как сразу понял, что в нём ничего нет.

— Дыру прогрызли. Конфеты и печенье вытаскали, — прошептал мальчик. — Теперь у нас ничего не осталось.

Костёр разогли у самого берега. Ветер трепал языки пламени, пригибал их к земле, но они, своевольные и непокорные, рвались, извиваясь, в чёрную вышину.

Набоков часто нагибался, чтобы подобрить сучье в костёр, и тогда лицо его обдувало сухим, пышущим жаром.левой рукой прикрывая глаза, он правой быстро кидал на раскалённые угли сухие сучья и хворостинки.

Набоков и Лёня уже давно поджидали Ивана Савельевича, а он всё не появлялся. Особенно беспокоило отсутствие Савушкина Лёню. Он то и дело поднимал голову и настороженно прислушивался к надоедливому завыванию ветра, готовый в любую секунду броситься в темноту с радостным криком:



— Чего это вы принесли! — орадованно закричал Набоков.

«Иван Савельевич идёт! Иван Савельевич идёт!» Но Савушкина не было.

Набокову, всё время молча возившийся у костра, не спеша вытер рукавом пиджака вспотевший лоб и, стараясь казаться как можно спокойнее, сказал:

— И где же это наш бригадир задержался? Лёня как будто только и ждал этого вопроса. Он вскочил и, поправляя съехавший на ухо малахай, кинулся к трактористу.

— А если идти искать? — мальчик с тревогой уставился Андрею в глаза. — Вдруг с Иваном Савельевичем что-нибудь случилось?

— Куда идти? В какую сторону? — пожал плечами Набоков. — Остров — он вон какой!

— Все равно! — не унимался Лёня. — Надо искать! Я пойду...

— Подожди, — остановил его Андрей.

Трактористу внезапно показалось, что он слышит чьи-то шаги. Андрей выпрямился, пристально вглядываясь в темноту. Густая и непроницаемая, она висела перед глазами, слабо колыхаясь, то наступая на светлое пятно костра, то отступая, и нельзя было разглядеть, что делается в трёх шагах. Набоков уже полуоткрыл рот, чтобы крикнуть: «Иван Савельевич, это вы?», — но в это время на свет неожиданно выплыла странная, причудливая фигура с огромной головой.

Лёня поднял глаза да так и замер. Фигура пошевелилась, и к её ногам внезапно что-то грохнулось.

— И чего это вы принесли? — орадованно закричал Набоков.

— А вот смотрите... рухлядь всякую! — шумно вздохнув, заговорило знакомым голосом «странное существо». И тут только Лёня разглядел, что у костра стоит Савушкин. Иван Савельевич снимал с головы согнутые из прутьев большие кольца, опутанные сетями, а у его ног на песке лежала потемневшая от времени широкая доска.

Принимая от Ивана Савельевича громоздкую поклажу, оказавшуюся старыми вентерями, тракторист сказал:

— Долго ж вы ходили! А мы тут...

— Да вель и не близко. В самом что ни есть конце острова был, в верховьях Воложки, — устаю ответа Савушкин, распахивая шубник. — Пить хочу. Уморился что-то.

— Иван Савельевич, я сейчас! — крикнул Лёня. Он хотел сбегать к реке с берестяным стаканом, но Савушкин остановил его.

Присев перед вентерями, Иван Савельевич вытащил из сетей большую заржавленную банку.

— Полную почерпни. Чайку вскипятим, — проговорил он, вскидывая на Лёню глаза. — Да гляди, в воду не свались.

Немного погодя жестяная банка уже стояла на горячих угляшках, и мальчик хлопотал возле неё, подкладывая то справа, то слева тоненькие хворостики, сразу весело загораживающиеся.

Савушкин сидел на принесённой им доске и рассказывал:

— Там избушка бакенщика стояла, да прошлым летом пост перевела в другое место. А избушка старая была, скажу вам, её так и оставили. По осени она чуть не сгорела совсем. Кто-то из охотников ночевал и, видно, заронил искорку. Вся бы сгорела, да дождь погасил... Думаю, схожу. А вон и поживимся чем. Вот оно так и вышло. В углу банку эту нашёл, а в подполе вентера бросовые.

Иван Савельевич замолчал. Он посмотрел на вентера, потрогал их и добавил:

— Может, из пяти один соберём как-нибудь. Хорошо бы! А как вода разольётся по ерикам, вот вам и рыба. Теперь её недолго ждать, воду-то. По всему видать: большое половодье будет.

— А у нас печенье и конфеты украли, — грустно промолвил мальчик. — Крысы перетаскали.

— Перетаскали?

— Ничего не осталось.

— Выходит, и чай не с чем пить?

— Хотите с шиповника? — спросил Андрей. — Ягоды шиповника содержат в себе витамин С.

Иван Савельевич сокрушённо вздохнул:

— Ай-яй! Ну и крысы на этом острове! Ну и сластёны!

Лёня негромко засмеялся.

Савушкин опять вздохнул и хлопнул ладонью по коленке:

— Сыпь, Андрей, в банку этот самый витамин!

Набоков вынул из кармана горсть крупных ягод с блестящей кожей.

— Смотрите-ка, смеётся, — сказал он, улыбаясь и кивнув головой в сторону Лёни. — А без вас вот-вот заплачет. Всё о конфетах расстраивался.

— Да уж, о конфетах... — протяжно проговорил Лёня и надул тугие чёрные брови. К его лицу прилила кровь. — Я об Иване Савельевиче... И ещё о доме и школе думал, — мальчик наклонил голову. — Я не боюсь, что отстану. У меня по всем предметам пятёрки... А так просто. А про то, что есть хочется, я совсем стараюсь не думать.

Иван Савельевич опустил на плечо мальчика руку.

— Как бы это тебе выразить? — задумчиво

заговорил он. — Вот жизнь, скажем... Мне пятьдесят седьмой пошёл. Много уж прожил. А всё учусь... В моём деле разве без науки теперь обойдётся? Никак нельзя. Там передовая агротехника, севообороты. А наука вперёд движется. И ты за ней поспевай. А на одной точке стоять — и урожайности больше не видать. У нас без этого нельзя, чтобы не учиться. Будь ты хоть кем угодно: министром ли, председателем колхоза или просто... подвочником горячего в тракторной бригаде, — а ты на своём месте ведущая шестерня. — Савушкин наморщил лоб, сощурился. — Возьмём наш случай. Застраля вот на Середыше. Прямо скажу: плохой случай. Всего тут можем натерпеться, а ты из этого случая пользу себе возьми. В жизни многое может пригодиться... В Отечественную войну мало ли было разных историй? Один вот полк, знаю, попал в окружение. На белорусской земле дело было. Целый месяц по лесам и болотам пробирался этот полк к линии фронта. Осень стояла. Дожди, холод. Всего натерпелись солдаты и офицеры. Каждый сухарик на учёте... И воевали. За Родину сражались и жизни своей молодой не жалели... Большое беспокойство от них было фашистам...

Савушкин потупил взгляд и сурово нахмурился. Через минуту он ближе придвинулся к мальчику, заглянул ему в глаза.

— Ты Лёня, того... не пугайся, — сказал Иван Савельевич. — Не пропадём. Вовек такое не случится, чтобы на Волеге, да с голоду человек пропал... С прибывью шука на мелкое место ползет икру метать. Ты никогда не видел? Чудно это у неё получается! Как очумелая, прёт в разные заводи. Брюхом в дно упирается, икру выпускает.

Много хлопот, скажу вам, икра в это время шуке причиняет. Я раз, парнем когда ещё был, подкарака к берегу, а она, шука, голову из воды высовывает и на песок лезет. Ну я её пакой. Стал вытаскивать, а она неподвижная — метра полтора в дайну. Икры одной больше килограмма было.

Вдруг Лёня схватил Савушкина за руку.

— Иван Савельевич, — испуганно заговорил он, — да у вас на виске кровь! А у полшубка рукав порван... Вы где-то упали?

— Пустыя. В темноте на дерево наткнулся, — неохотно ответил Савушкин и тут же встал, зашагал к шалашу.

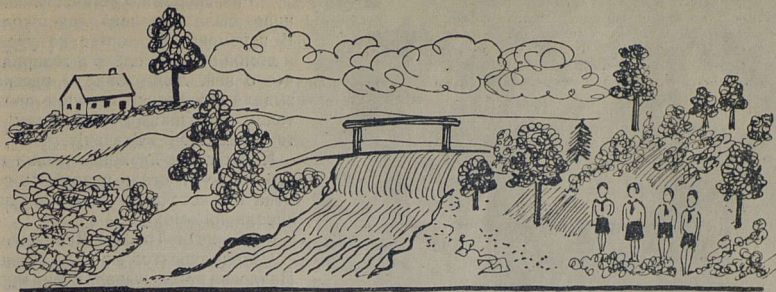
(Окончание в следующем номере.)

КАК ВЫСОКО

Н. Артюхова

Безоблачно небо — и вдруг облака,
Волнистые, тонкие, ленточкой белой,
Как будто огромная чья-то рука
Рисует и пишет по синему мелом.

Кто в небо стремится вперёд и вперёд,
Серебряной пчёлкой всё выше взлетая!
Не виден уже в синеве самолёт.
Осталась барашков курчавая стая.



ДНЕВНИК-ПУТЕШЕСТВЕННИК

Этот необыкновенный дневник завели ленинградские ребята. Он не лежит в одном звене или отряде; он переходит из дружины в дружину и собирает на свои страницы рассказы о пионерских делах, о самом лучшем, самом интересном, что случилось в жизни отрядов и звеньев.

В пионерские дружины,
К пионерам напрямик
Он идёт дорогой длинной,
Путешественник-дневник...

Выбирает он умело,
Он к лентям не спешит —
Он летит туда, где дело
Пионерское кипит.

Эти стихи записаны на первой странице дневника-путешественника, который, начав свой путь прошлым летом, обошёл немало домов и улиц Ленинграда, побывал у колхозных пионеров дальних и ближних районов области, заглянул в маленькие городки и заводские посёлки.

Но как же он везде поспел? Ведь путь далёк!

В городе Ленина пионерский актив, собираясь каждую пятницу, решил, в какую дружину перейти дневнику. А во все районы области отправились путешествовать сорок его братьев-двойников с тем, чтобы потом собраться вместе и составить большую книгу пионерского опыта.

И вот вернулся дневник из своего похода. Вернулся, полный ребячьих рассказов и рисунков. Рисунки эти не только украшают его, но и сами рассказывают не хуже слов. Когда читаешь дневник-путешественник, видишь, что узнали и чему научились ленинградские пионеры за лето. Прочтут другие ребята и захотят повторить, захотят работать и отдыхать так же. Мы помещаем здесь рассказы, рисунки и фотографии из этого дневника.

Ветвистая пшеница

Наше село далеко от Ленинграда, на берегу тихой Нарвы. Но это не медвежий уголок, хотя в наших лесах водятся медведи. Мы живём той же жизнью, какой живёт вся наша необъятная Родина.

О ветвистой пшенице зашла речь на занятиях юннатского кружка, когда наша учительница директор школы Татьяна Павловна Ладухина рассказывала о Трофиме Денисовиче Лысенко.

Если дать ветвистой пшенице хороший уход, то из одного её зернышка может вырасти куст в 70 колосьев, а каждый колос будет весом в 5 граммов.

— Так это же 350 граммов от одного зерна! — закричали ребята.





«...Сейчас отправится в путь-дорогу наше письмо к академику Трофиму Денисовичу Лысенко».



тересовались этим чудесным растением. С утра до ночи ветвистая пшеница не выходит у нас из головы. Нам так хочется вырастить её у себя на пришкольном участке! Очень просим: пришлите хоть несколько зёрнышек...»

Вскоре мы получили два пакета с семенами ветвистой пшеницы. Там было триста драгоценных зёрен вместе с советами, как их вырастить.

Отец академика, Д. Н. Лысенко, бригадир по выращиванию ветвистой пшеницы, прислал нам письмо:

«Дорогие ребята!

Вы просите прислать вам ветвистую пшеницу. Я высылаю и желаю в работе с ней хороших, больших успехов. Хочу вам сказать, что ветвистая пшеница любит хорошо удобренную и взрыхлённую почву. Садят её рядок от рядка на 50 сантиметров. Как только пшеница взойдёт, прополите её. Затем на протяжении всего роста рыхлите и удобряйте — это уж по вашему усмотрению.

Всего хорошего, дорогие ребята!

Д. Лысенко

28/II 1949 г. Горки Ленинские.»

Как только сошёл снег, мы приготовили почву и с первыми солнечными днями, 16 апреля, посеяли, как нам советовали учёные, первые сто зёрен, 3 мая — ещё сто, а 8 мая — засеяли последний участок. Таким образом можно узнать, в какие сроки лучше сеять ветвистую пшеницу.

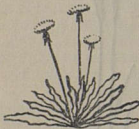
6 мая появились первые всходы. Нашей радости не было конца. Мы каждую перемену бегали и смотрели на сто изумрудных листиков, которые, отвернув комочки почвы, выбрались на свет.

10 мая зазеленел второй участок. 12 мая уже все триста зёрен превратились в бархатисто-зелёные растения.

Почву между рядами мы разрыхлили и сделали полив всех трёх участков. Через день сделали первую подкормку селитрой. Пшеница поднималась не по дням, а по часам.

Но однажды пришла грозовая туча. Мы бросились за одеялами, ящиками, чтобы накрыть пшеницу. Град хлестал по лицам. Но не это ребят страшило, — только часть пшеницы удалось закрыть. Унылые сидели мы в школе, пока шёл град и гремел гром, горько упрекая себя, что оказались недогадливыми и заблаговременно не заготовили ящиков. Только начала затихать гроза, все бросились на опытный участок.

Что за чудеса! Ветвистая пшеница стояла невредимая и ещё веселее



прежнего, а рядом обыкновенная пшеница была вся побита. Ребята по-матривали друг на друга, не веря своим глазам. Успокоились и радостные пошли домой. Но «пришла беда — отворай ворота». На следующее утро ударил мороз. Всё покрылось инеем. Испуганные ребята рано утром побежали к Татьяне Павловне и вместе с ней — на участок. Смотрим, а пшеница вся белая. Но проглянуло солнышко, иней превратился в росу, скоро и роса обсохла. И стоит себе ветвистая пшеница, поблескивая изумрудом на солнце.

21 мая юннатка Тая Лебедева записала в своём дневнике: «Какое всё-таки счастье сегодня! Я получила за изложение «пять», и ветвистая пшеница начала куститься. Завтра нужно взрыхлить почву и сделать подкормку...»

Весна стояла холодная и сухая, почва была похожа на дорожную пыль. Пришлось дважды поливать нашу любимицу. Мы все были прямо влюблены в неё. Нам хотелось во-время предупредить все её желания, а когда ей ничего не было нужно, мы стояли и смотрели на тёмнозелёные широкие листья, и нам казалось, что она поднимается на наших глазах. Дождей не было, холода продолжались. Мы хотели поливать пшеницу тёплой водой, но Татьяна Павловна велела брать воду из колодца.

Мы боялись, что холодная вода погубит пшеницу. И когда поливали, лица наши становились хмурыми. Заметила ли это Татьяна Павловна или она и сама в душе сомневалась, только во время поливки она сказала:

— Вот этот уголок поливайте тёплой водой.

Скоро мы убедились, что растения, которые воспитывались всю весну в холоде, не только были более ядрёными, но 3 июля пошли в трубку, а уголок, который мы поливали тёплой водой, рос чашло и дошёл только до стадии кущения. Дальнейшее развитие его прекратилось.

— Понял? — толкнув товарища в бок, воскликнул Миша Голосов.

— Что понял? — глядя на пшеницу, спросил тот.

— А то, что холодную воду любит наша гостья...

10 июля на участке первого посева растения уже достигли высоты одного метра.

...Появились первые колосья пшеницы, которые приводили в изумление и детей и взрослых.

Проезжая рано утром на покос, колхозники останавливали коней и забегали на участок.



«...Наши пионеры рассыпались по живищю. Зорко смотрят, ни одного колоска не упустят. Так мы, пионеры посёлка Вартемяги, помогаем старшим...»

— Да что же это? Прямо как в сказке! — воскликнул Назарий Фёдорович Юр.

А Матвей Егорович Куликов даже шапку снял и поклонился учительнице.

16 июля с утра была ясная погода. Среди светлоголубого неба плыли кучевые облака. Но низко над землёй летали ласточки, а под крышей школы щебетали воробы. Оля Смирнова стояла на метеорологической площадке и записывала в тетрадь показания приборов.

— Оля! — кричали ребята. — Что там небесная канцелярия подделывает?

— Готовится напоить землю длительным и изобильным дождём!

Действительно, к трём часам дня полил дождь и лил беспрестанно шесть суток. Почва так напиталась, что на поверхности стояли лужи. Но пшеница наша росла на грядках, и лишняя вода стекала в канавки.

Мечтая о лучшей доле для народа, Н. Г. Чернышевский в своём романе «Что делать?» так описывал сон Веры Павловны: она идёт вдоль нивы и, потрясённая, думает: «...это наши хлеба, только не такие, как у нас, а густые-густые, изобильные-изобильные. Неужели это пшеница? Кто же видел такие колосья? Кто же видел такие зёрна?».

Мы, загрявские школьники, увидели эту пшеницу, эти зёрна на своём пришкольном участке. С 1 по 15 августа она цвела, к 25 августа налилась и находится в стадии молочной зрелости. Думаем мы: вот соберём урожай этого года, а весной засею целых полгектара и получим второй урожай — такой, что хватит семян засеять по одному гектару в каждом колхозе Сланцевского района. Будет на ленинградской земле, под ленинградским небом расти и шелестеть своими чудо-колосьями ветвистая пшеница!

Пионеры дружины Загрявской школы, Сланцевского района



«Умелые руки»

Вот и к нам пожаловал дневник-путешественник. Белоснежная страница приглашает нас начать запись. О чём же поведать? Что самое важное? Долго мы спорили, перебирая день за днём нашу летнюю жизнь, и решили написать о том, с чего началось всё хорошее, — о фабрике «Умелые руки».

Весна. Первый день в сводной дружине. Мы из разных школ, из разных классов, только живём по соседству друг от друга. Девочки робко поглядывают на мальчиков, а мальчиков не смущает новая обстановка — бегают, дерутся, толкаются... Как-то уживёмся, будем ли дружить?

Так прошёл день, другой, третий... Однажды в дождливое утро Лиля Покалнина принесла пластилин и стала лепить цветок. Многим, глядя на неё, захотелось что-нибудь сделать из мягкого, послушного пластилина. Мы забыли про дождь и про скуку. Этот день прошёл весело и дружно. Потом Люся Николаева принесла рукоделие и увлекла других. Потом Толя Михайлов и Слава Кузнецов сделали авиамодель; она легко скользнула ввысь. Появилось у нас много авиамоделлистов, мальчики перестали шалить; каждый был занят делом.

Скоро фабрика «Умелые руки» стала мастерить всё, что бы мы ни задумали. Когда мы готовились к районному карнавалу цветов, открылся пех кройки и шитья. 22 июля впереди цветочной колонны покачивался на ветру огромный синий колокольчик, пламенела на солнце алая гвоздика.



На карнавале мы оказались победителями.

Однажды, когда мыплыли на пароходевверх по Неве, Валя Родин предложил:

— Давайте будем строить модели пароходов, кораблей, катеров и брать их с собой на прогулки. Пустьим по воде, чей быстрее пойдёт...

Так появился новый цех — судостроительный. Этим делом увлеклись все. Даже Валя Трамбович, который мало в чём принимал участие, построил крейсер, да такой, что все сказали: «Хорош!..»

Пойдёт дневник-путешественник в другие дворы, к другим ребятам, прочтут они нашу запись и узнают, как общий труд родил дружбу, а дружба родила весёлые затеи и хорошие дела. Главное — каждому найти занятие по душе и обязательно выполнить всё, что задумано.

1-я сводная дружина Московского района, Ленинград

Экскурсия по заводу

Мы поехали в экскурсию на судоремонтный завод. Завод имеет много различных цехов, где изготавливаются новые детали для машин, ремонтируются корпуса пароходов, делаются палубные надстройки.

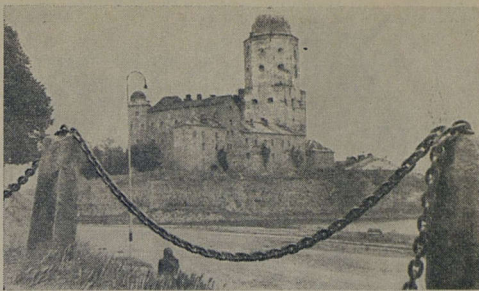
Вначале мы увидели, как лебёдка вытаскивала брёвна из воды на берег к самой лесораме, где бревно распиливали на доски и брусья различных размеров.

— Интересно, куда деваются опилки? — спросили мы.

Нам показали под полом помещенье; опилки туда сыплются, и время от времени их выгребают. Мы спустились под пол, но там было очень мало места: так много скопилось опилок. Мы попросили лопаты, чтобы откидать их. Мальчики остались под полом выбрасывать опилки на улицу, а девочки снаружи отбрасывали их дальше от стены. Внизу пахло сосной, сверху дождём сыпались опилки, ещё тёплые. Это было очень весело и смешно. Бригадир молодёжной бригады столяров Володя Русиновский пригласил нас к себе в столярную мастерскую. Оказалось, что завод не только чинит пароходы. Мы увидели, как делают мебель: шкафы, тумбочки, стулья, — как простое дерево подводят под орех, дуб, карельскую берёзу, красное дерево. Володя повёл нас и в цех, где делают модели. Мы вошли — да так и замерли на пороге. Казалось, что мы попали в царство игрушек. Нас окружали крохотные пароходы, катеры, теплоходы — и какие! До мельчайших подробностей они походили на настоящие суда. Казалось, вот-вот на палубу выбегут по трапам крошечные матросы, крошечный капитан-«доймовочка» на мостике отдаст команду...

Но ничего такого не случилось. Бригадир комсомольской бригады модельщиков начал свой рассказ, и мы поняли, что это не игрушки, а миниатюрные портреты настоящих судов. Это было ещё интереснее.

По дороге в литейный цех комсомольцы-столяры передали нам хорошо сделанные новенькие рюхи своей работы. Мы поблагодарили за подарок и пошли дальше. Старичок, начальник литейного цеха, Пётр Андреевич Штукатуров приветливо нас принял:



«Вот старинная Выборгская крепость. Её строил Пётр Великий. У неё очень толстые стены, и вокруг стен вода. Мы изобразили на самую верхушку башни. Отсюда видны весь Выборг, Финский залив, улицы города и наши маленькие выборгские трамвайчики.»





«...Это Женя Кинчин со своим четвероногим питомцем. Многие пионеры нашей школы выращивают жеребят и телят. Правление колхоза благодарно, и ребята довольны: они стали настоящими юными животноводами».

которые режут железо. Потом увидели газовую резку металла. Трубка, соединённая с проводом, на конце имела маленький краник, из которого с большой силой вытекала струя синего пламени и «резала» толстый лист стали. Это было очень интересно. Потом мы видели, как меняют обшивку парохода, как чинят его корпус.

Теперь мы знаем, как ремонтируют пароходы. Теперь мы знаем, что из маленького делается великое. Большой ли кирпич? А какие огромные здания строятся из кирпича! Большой ли винтик? А без него могучая машина не может работать!

Пионеры сводной дружины города Петрокрепость,
Мгинского района

Чтобы зеленели колхозные луга...

Луга и пастбища Парголовского района очень бедны. А по обочинам дорог, по кустам, где нельзя косить, растут хорошие травы: луговой мятлик, тимофеевка, ежа сборная. Нужно собирать их семена. Мы, пионеры дружины Вартемягского детского дома, начали сбор семян. Каждый из нас собрал три килограмма. Это трудно, потому что семена у трав мелкие. А зато как хорошо будет, когда летом следующего года засеют богатые новыми травами родные колхозные луга!

Отряд № 3.
Детдом посёлка Вартемяги



«...В Осьминский район цыплята привезли на самолёте. Когда их привезли в колхоз «Красный застрельщик», мы, пионеры, были уже готовы к встрече. Пока цыплята не выросли, мы ухаживали за ними, добывали им дождевых червей и зелёный корм, оберегали от ястребов и кошек...»



«...Таким будет сад Госненской школы. Мы его посадили своими руками год назад».

Наша спортплощадка

Каждый день на спортивной площадке перед нашей школой можно видеть тренирующихся ребят-спортсменов. Здесь занимаются гимнасты, легкоатлеты, городошники, волейболисты и баскетболисты. Смотреть любо!

А ведь ещё весной ничего этого не было. Всё сделали ребята своими руками. Сколько мы вынесли камней, очищая площадку! Сами огородили её. У нас есть беговая дорожка, площадка для прыжков в длину, волейбольная сетка, полоса препятствий, гимнастические снаряды, — словом, всё, что нужно для спортсменов. Теперь наша площадка славится на весь город и считается самой лучшей.

Совет дружины Любанской железнодорожной школы



Мальшам

Скоро в школу! Каждый школьник ждёт этого дня, а больше всех — малыши, которые в этом году первый раз переступят порог первого класса. Вот мы и решили устроить для малышей концерт и познакомить их заранее с правилами поведения школьника. Местом для концерта выбрали двор одного из домов на Турбинной улице. Чтобы было малышам понятно и интересно, мы придумали вот что: покажем правила поведения школьника в живых сценках. Например, расскажем о том, что ученик должен быть аккуратным, нерассеянным, тщательно проверять портфель перед уходом в школу.

Не отправится охотник
Без ружья стрелять гусей,
Не забудет дома плотник
Молотка или гвоздей,
Ты не должен оставлять
Дома книгу и тетрадь.

Много потрудились мы, готовясь к этому концерту. Ведь надо было показать все двадцать правил!

Перед выступлением мы тщательно подмели двор, посыпали песком дорожки. Концерт прошёл отлично и с пользой не только для малышей, но и для ребят постарше.

Мы могли бы ещё рассказать о своих футбольных и волейбольных командах, об авиамоделистах, о шахматно-шашечном турнире, о поездке на авиазавод и о многом, многом другом, но дневник-путешественник спешит дальше, к другим ребятам — неудобно его задерживать.

Пионеры сводной дружины № 1 Дома пионеров
Кировского района, Ленинград





Детство

*Иерейте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано...
Некрасов*

М. Исаковский

Рисунки И. Кузнецова

1

Давно это, помнится, было со мною:
В смоленской глухой стороне,
В поля, за деревню, однажды весною
Пришло моё детство ко мне.

Пришло и сказало: «Твои одногодки
С утра собрались у пруда.
А ты сиротою сидишь на пригорке,
А ты не идёшь никуда.

Ужели ж и вправду тебе неохота
Поплывать со мной на плоту,
Ручей перепрыгнуть с разбегу, с разлёта,
Сыграть на лужайке в лапту,

На дуб, на берёзу вскарабкаться лихо
Иль вырезать дудку в лесу!..»
— Мне очень охота,— ответил я тихо,—
Да, видишь, свиней я пасу.

Такое они беспокойное племя,
Что только гляди да гляди.
И бегать с тобой, понимаешь, не время,—
Ты как-нибудь после приди...

2

Пришло моё детство, пришло золотое
Июльской порою ко мне.
И так говорит, у завалинки стоя:
«Ты что же — опять в стороне?

Наверно, забыл, что поспела малина,
Что в лес отправляться пора?
Наверно, не знаешь, какого налива
Ребята поймали вчера?..»

— Я знаю,— со вздохом сказал я на это,—
Да только уйти не могу:
Все наши работают в поле с рассвета,
А я вот избу стерегу.

Двухлетний братишка со мною к тому же,—
Не смыслит ещё ничего:
Уйдёшь — захлебнётся в какой-нибудь луже
Иль бык забодает его.

И куры клюют огурцы в огороде —
Хоть палкой их бей по ногам!

Сгною их — они услокаются вроде,
А гляну — опять уже там...

Так я говорил — делвито, печально,
Желая себя оправдать...
И, палочкой белой взмахнув на прощанье,
Ушло моё детство опять.

3

Пришло оно снова холодной зимою
В наш бедный, нерадостный дом,
Взяло меня за руку жаркой рукою.
«Идём же,— сказало,— идём!

Могу я придумать любую забаву,
Любую игру заведу:
С тобой мы вылепим снежную бабу
И в бабки сразимся на льду.

На санках с горы пронесёмся, как ветер,
Сыграем с друзьями в снежки!..»
— Мне б очень хотелось,— я детству
ответил,—

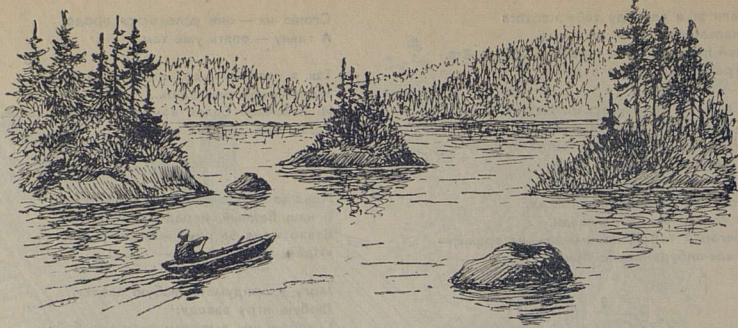
Да руки, видеть, коротки.

Ты разве забыло, что нынче — не лето,
Что не в чём мне выйти за дверь?
Сиж у разутый, сиж у раздетый,
И нет у нас хлеба теперь.

Ты лучше б весной... — попросил я несмело. —
Тогда и в рубашке тепло...
Безмолвно оно на меня посмотрело
И, горько вздыхая, ушло.

Ушло моё детство, исчезло, пропало, —
Давно это было, давно...
А может, и вовсе его не бывало
И только приснилось оно.





З А О Н Е Ж Ь Е

Г. Скребицкий

Рисунки В. Трофимова

Прошлым летом я жил в небольшой деревушке на самом берегу Онежского озера. В этих местах озеро покрыто мелкими островками. Островов так много, что они получили у местных жителей общее название — Уйма.

Трудно передать словами, какое чудесное зрелище представляют собою все эти острова, в особенности, когда плывёшь по озеру в тихую, ясную погоду. Над головой синее безоблачное небо, а кругом такая же синяя, сверкающая гладь воды. Из неё тут и там поднимаются зелёные, покрытые лесом острова.

Между островами извиваются протоки, то широкие, открытые, то узкие, поросшие тростником и камышами, — настоящий рай для уток, гадар и другой водоплавающей дичи.

Недалеке от нашей деревни, на одном из соседних островов, находилось селение Киж: несколько домиков, разбросанных по берегу, парходная пристань, а прямо над нею, на высоком пригорке, старинная, рубленая из брёвен церковь с двадцати трёх куполах.

Эта церковь представляет собою замечательный образец древнерусской архитектуры и бережно охраняется как памятник старины.

Селение Киж было видно прямо из моего окна, и я, сидя дома, часто любовался им.

Но особенно красиво бывало по утрам, когда я ещё задолго до восхода солнца отправлялся на рыбалку.

На прозрачном нежно-розовом фоне зари чётко рисовались контуры древнего храма и силуэты крижистых северных домов. И как удивительно

всё это гармонировало с огромными серыми камнями на берегу, прозрачною далью, старыми, поредевшими соснами, с плеском воды, криками гадар на озере, со всей картиной угрюмого севера! Глядя на эти строения, похожие на глыбы гранита, я невольно думал о том, каким огромным чувством поэзии и красоты обладает наш народ, который сумел так искусно сочетать свою архитектуру с окружающей его природой.

Стоя на берегу возле своего ботничка, я смотрел, как над озером, над островами, над всем этим суровым краем тихо занималась заря.

Вот край неба разгорается всё ярче и ярче, на него уже больно смотреть, и вдруг будто поток огненной лавы выльется из-за горизонта, хлынет в озеро и зажжёт его вспылками голубых огней.

Как раскалённые угли, светятся окна домов. Из-за лесистой Уймы медленно поднимается солнце.

Я поспешно сажусь в ботник и выплываю в озеро навстречу солнцу, навстречу новому, едва зародившемуся дню.

Живя в Заонежье, я почти каждое утро выезжал на рыбалку и удили до тех пор, пока солнце начинало уже сильно припекать. Тогда я возвращался домой.

Но однажды я заехал дальше обыкновенного, да и рыба в это утро брала хорошо. Мне не хотелось возвращаться домой.

Неподалёку от меня виднелся маленький, весь заросший деревьями островок. Из зелени ветвей выглядывал деревянный домик.

«Подъеду-ка я туда. Может, удастся купить

молока и хлеба, — решил я. — Поём, а потом ещё половлю». И я, сняв шнур с якоря, направил свой ботник прямо к домику.

Подплыл к островку, я увидел у самой воды пожирую женщину. Она полоскала бельё. Женщина приветливо поздоровалась со мной и охотно согласилась принести молока и хлеба.

Минут через десять она вернулась с кринкой молока и изрядной краюшечки хлеба. Но взять за всё это плату из категории отказалась.

— Да что вы, что вы, за что же тут платить? — улыбнулась она, разглядывая мой улов в ведёрке.

На две лодки у меня валялось несколько мёртвых рыбешек, которых я снял с живцовых удочек. Я взял этих рыбешек и выбросил в воду.

— Жаль, что нашей Куйки нет, — вздохнула женщина, — она бы их сразу подобрала.

— Какой Куйки? — спросил я.

— А вы разве не знаете? Вы, наверно, не здешний? Куйкой в нашем крае зовут рябучу, или гагару по-вашему. Видели, конечно: их много у нас по озеру плавают.

— Да, гагар здесь много.

— А у нас совсем ручная была, — сказала женщина, — тут около мостков всё время плавала. Мы её ещё маленьким птенчиком взяли, так и выросла среди людей и никого не боялась.

Это сообщение о ручной гагаре меня очень заинтересовало. Я в своей жизни видел немало ручных птиц: скворцов, сорок, галок, ястребов... Но о ручных гагарах никогда не слышал.

Я попросил женщину подробнее рассказать о своей воспитаннице.

— С удовольствием расскажу, — согласилась женщина. — Давайте познакомимся. Меня зовут Александра Анисимовна Медведева. У меня сын есть, Николаем зовут, тоже охотник и рыбак. Он, когда поменьше был, всякую, бывало, живность в дом тащил.

Вот, помню, как-то в начале лета поехали мы с ним на лодке за ягодами километров за восемь, на остров Игловский Хвост. Ягод там бывает видимо-невидимо.

Плывём мы мимо небольшого каменного островка — луды. Только поровнялись, вдруг с луды гагара буетых в воду и поплыла. Смотрим, а за ней следом гагарёнок, совсем ещё маленький, тёмный весь. Тоже с берега соскочил и поплыл за матерью.



Подъехали мы к луде, глядим, а на ней у самой воды гнездо гагары. Собственно, я гнезда-то никакого нет — просто кучка сухого прошлогоднего камыша, а сверху ямка. В гнезде птенец сидит.

Коля его в руки взял, а он и не бьётся, видно, мал ещё, ничего не понимает. Смешной такой, несуразный, вроде гусёнка. Лапки у него совсем не в том месте, где у других птиц, а сзади, около хвоста. Ему и бежать-то на них никак нельзя.

Поглядели мы на него и посадили обратно в гнездо.

Вдруг видим гагарёнок лапками оттолкнулся и, будто лягушонок, из гнезда прыг, прыг — и в воду. Шлёбнулся и поплыл. Мы с сыном поплыли дальше. Смотрим: гагарёнок следом за нами плывёт. Мы отгоняли его, в ладоши хлопали, а он никак отставать не хочет.

Коля ему весло протянул. Гагарёнок на него грудкой навалился и вскарабкался.

Дома прежде всего мы стали думать, чем его кормить. Дали кашу, хлеба мочёного, творога, варёное яйцо порубили — ничего не ест. Посадили его в клетку — так целые сутки без еды и пролился. А потом Коля малявок наловил и дал гагарёнку. Тот сразу три штуки съел. С тех пор с кормёжкой дело пошло на лад. Но зато в клетке сидеть гагарёнок ни за что не захотел. Поставили мы ему туда мисочку с водою. Он мисочку опрокинул, всю воду пролил, выпачкался весь и всё в шёл между прутьями голову просовывает, того гляди, задушит.

Я говорю Коле: «Не мучай ты его. Это птица водяная, она в клетке всё равно жить не сможет. Выпусти его лучше у нашего островка возле схода. Гагар тут много плавают, может, он к ним и уплывёт».

Коля сбегал ещё раз на озеро, наловил малявок, накормил получше гагарёнка, а потом отнёс и выпустил в этот вот заливычок.

На следующее утро пошёл Коля купаться, гляжу — бежит назад со всех ног.

«Мама, мама, — кричит, — гагарёнок-то наш куда не уплыл! Только я на берег пришёл, а он из кустов выплывает и прямо ко мне. Пищит, рыбы просит. Я за сеткой прибежал, сейчас наловлю и покормлю его».

Так гагарёнок и остался жить в заливычке возле схода. Коля раза три — четыре в день ему малявок ловил и кормил прямо из рук. А гагарёнок такой озорной стал! Только увидит Колю, сейчас к нему и прямо в руки заглядывает и пищит: покорми, мол.

Сначала Коле занятно было с гагарёнком целый день возиться, а потом, видно, надоело. Да и гагарёнок подрос, только подавай ему еду.

И что досаднее всего: кругом в заливычке малявок видно-невидимо, особенно, когда солнышко пригреет, а гагарёнок и не думает их ловить. Ему



подавай готовых. Вот и решил Коля научить его нырять и за рыбой охотиться. Ну, и забавно это было!

Коля разденется, поплывёт, и гагарёнок за ним; Коля нырнёт, а гагарёнок мечется по воде, ищет, куда его приятель дёлся. Потом голову в воду опустит, перекувырнется, а лапы и хвост наружу.

Никак сначала нырять не умел. Наконец кое-как научился. Коля нырнёт, и гагарёнок за ним. Коля вынырнет, и гагарёнок тоже. Но только делу это ничуть не помогло. Рыбу он всё равно ловить не стал — попрежнему просид, чтобы его из рук кормили. А если ему мало рыбы наловят, не наестся он, тогда прямо на берег лезет и прыгает за Колей, как лягушонок.

Один раз пришла а на сходи, а за мною наша кошка. Она туда часто ходила: Коля её тоже рыбой подкармливал. Пришла она, а гагарёнок на берегу был. Кошка прямо к нему, что, мол, за птица, давай-ка познакомимся — она у меня и с курами и с утками дружила. Только подошла к гагарёнку, а тот как вытянет шею, как зашипит, да прямо её клювом Ущипнул не хуже гуся! Кошка перепугалась — со всех ног прямо домой. С тех пор уж её к сходим не заманишь.

Через месяц гагарёнок вырос совсем большой, но из заливчика куда не уплывал. Дикие гагары тут же, бывало, неподалёку плавают, кричат, а он на них и внимания не обращает.

Из заливчика он выплывал только вслед за лодкой. Поплыву я на соседний остров корову доить — она у меня там всё лето паслась, — и гагарёнок следом. Пока я на острове корову дою, он возле лодки плавает. Вернусь к лодке, возьму его на руки, он усядется поудобнее и сидит, маленький такой, как пирожок. Поглажу его и пушу на воду. И снова плывём обратно домой.

Мы с Колей плавали к Игловскому Хвосту, к той луде, откуда гагарёнка взяли. И гагарёнок след за нами.

Думали: может, мать-гагара его там увидит и позовёт к себе. Из матери мы не нашли.

Я и говорю Коле: «Давай-ка мы Куйку здесь оставим, она скорее к диким гагарам пристанет. Что мы с ней будем делать зимой? И рыбу ей доставать трудно будет, да и погибнет она без воды, когда озеро замёрзнет».

Вот подождали мы, пока Куйка подалше от лодки отплыла, и налегли на вёсла.

Куйка увидела и бросилась догонять нас. Да, видно, тяжело ей, отстаёт всё дальше, дальше. Вдруг она нырнула и вынырнула ближе к лодке, ещё, ещё... да так под водой и догнала нас. Так мы все втроем и приплыли домой.

Прошло ещё недели две. Куйка совсем большая выросла и такая обжора стала: давай и давай рыбу. А сама никак рыбу не ловит. Коля с ней просто замучился.

Один раз приплыли к нашему островку рыбаки саком рыбу ловить. День был жаркий, мелочь у них вся сразу поснула; они её и выкинули в воду. Куйка сразу всю рыбу с воды подбрала.

С тех пор, бывало, увидит рыбаков на лодке с саком, плывёт к ним и рыбу клянит. Нашу Куйку здесь в округе все рыбаки знали.

Моему Коле стало легче. Куйка ему уж не так досаждала. Только мы всё беспокоились: что ж мы с ней зимой делать будем?

Да не дождала Куйка у нас до зимы.

Как-то приплыл к нам рыбак с Волк-острова. Куйка за ним увязалась и с тех пор как будто в воду канула. Уж мы и на Волк-остров плавали, но нигде нашей Куйки не нашли. Наверное, к диким гагарам всё-таки приблизилась.

Вот и вся история про нашу Куйку, — улыбнулся Александр Анисимовна. — А я часто вспоминаю её. Каждую весну её жду. Да нет, видно, уж не вернётся она. Ну, прощайте пока. Заезжайте, когда будете близко рыбу удить. Александра Анисимовна взяла пустую кринку и пошла к дому. А я поплыл обратно на озеро.

Уже начало как следует приекать, день был ясный, солнечный. Дул лёгкий попутный ветерок. Я решил больше не ловить рыбу, поставил парус и поплыл домой.

Вокруг меня сверкало и переливалось в солнечном блеске озеро. Большие белые чайки носились над водой. А возле островов, у самых камышей, вытянув шеи и высоко подняв остроносые головы, плавали рябучи-гагары.

И я, глядя на них, думаю: нет ли среди них той самой Куйки, которую так любовно растили Коля и Александр Анисимовна?

ПЕВЕЦ РУССКОЙ ПРИРОДЫ

Константин Паустовский

У русской природы было много певцов. У каждого из них существовали в нашей стране свои любимые места и были свои пристрастия.

Пушкин любил псковскую позднюю осень, серебрившую морозом поля, Тургенев воспел росистые рощи Орловщины, Горький — Волгу и поволжские многолюдные города.

Художник Венецианов любил писать пажити, затинутые дымкой зноя, Шишкин — сосновые леса, Нестеров — север, холмистую страну с её полевыми цветами и берёзками, с её светлыми водами и блеском прохладного воздуха.

Каждый из писателей и художников открывал в русской природе те или иные пленявшие его черты и пытался передать любовь к ним своим современникам и потомкам.

Но ни у кого из художников природа Средней России не была выражена с такой полнотой, как у Левитана.

Почти никто из художников до Левитана не показал глубокого очарования, таящегося в простоте русского пейзажа. Почти никто до Левитана не показал величия наших просторов, скрытую силу наших мягких, подчас как бы затуманных красок, всю живописность самых обычных вещей — от дождя, морящего над порубкой, до тропинки, ведущей от колодца к избе.

Вглядываясь в картины Левитана, мы ловим себя на том, что всё написанное этим превосходным художником мы много раз уже видели вокруг себя, но не запомнили. Всё это проскользнуло мимо нас, как пейзаж за окнами вагона.

Сила Левитана заключается в том, что он заставляет нас всмотреться в природу и передать нам свою любовь к родине.

Большинство из нас умеет просто смотреть, тогда как мы должны научиться вглядываться, пристально наблюдать и запоминать.

Только при этом мы откроем в окружающей нас природе такое разнообразие форм и красок, о каком мы раньше и не подозревали.

Вот такому углублённому наблюдению природы учат нас художники и в первую очередь Левитан.

Левитана можно назвать открывателем красок нашей русской земли. Тех красок, что лежат рядом с нами и каждый день и час доступны нашему восприятию.



И. И. Левитан.

Портрет работы В. Серова.

Возьмём хотя бы частность — солнечный свет, который нас окружает, — и проследим влияние этого света на пейзаж.

Вглядываясь в картины Левитана, мы начинаем замечать, что прямой солнечный свет даёт одну окраску листве и всем предметам, утренний свет — иную, а свет закатного солнца — совершенно особую.

Всё разнообразие оттенков света, все световые богатства нашего пейзажа найдены и закреплены на полотнах Левитана — от света, пробивающегося сквозь слои облаков, до света, появляющегося после дождя; от меркнувшего света ненастных дней до света, удесытерённого блеском жёлтой листвы в ясные осенние дни, или живого, как бы играющего и плещущего вместе с речной рябью света в ветреный день на реке.

Картины Левитана не только дают наслаждение глазу. Они помогают нам понять и изучить нашу землю. В них заложено могучее познавательное начало.

И, наконец, они усиливают нашу любовь к русской природе, к родной стране. Поэтому они могут быть названы патристичными в самом чистом и высоком значении этого слова.

Любой боец, идущий в сражение за свою страну, представляет себе её и в целом и в частностях.

В минуты боя люди часто вспоминают какой-нибудь самый близкий им, самый милый уголок земли. И бьются и за всю страну и за него, за этот уголок, чтобы не дать его на поругание врагу.

Широкое чувство родины рождается из как будто бы незначительных вещей, таких хотя бы, как мостушки через речку, старый осокорь, шу-

маций листьями на ветру, или душистые заросли вереска, забрызганные летним дождем.

Всё это — те крупницы, из которых создаётся великолепное целое, любимое нами до боли в сердце, то целое, что зовется нашей Родиной.

Для того, чтобы картина была воспринята нами с наибольшей силой и полнотой, существует простое правило.

Нельзя смотреть много картин сразу. Нужно выбрать одну, две, три картины. И рассматривать их нужно долго, медленно, вникая во все переходы красок, во все подробности, как бы присутствуя вместе с художником в тех местах, которые изображены на картине.

Недаром Чехов говорил, что обязательно нужно представлять самого себя среди того пейзажа, какой написан художником. Тогда он оживёт.

Нужно смотреть на картину, как на реальный вид за открытым окном своей комнаты.

Весной этого года я работал в Эрмитаже в Ленинграде. Я проводил в золотых торжественных залах Эрмитажа целые дни. На стене одного из залов я заметил картину старинного мастера. Она называлась «После дождя». Река, громада уходящей пролившей тучи и желтоватое сияние солнца сквозь ещё сыплющуюся водяную пыль.

Я последовал совету Чехова и представил себя там, на этой тихой и незнакомой реке. Каждый раз, проходя по Эрмитажу, я останавливался около этой картины. Потом начал останавливаться всё больше и наконец поймал себя на том, что не могу уже, попав в Эрмитаж, не подойти к этой картине.

В один из попельников, когда Эрмитаж был закрыт, я бродил по городу, томился и, как принято говорить, не находил себе места, пока не понял, что всё это беспокойство вызвано тем, что вот сегодня я не увижу эту картину, не пройду к ней, как к старому и скромному другу, мимо пышных полотен, пылающих самыми богатыми красками мира.

Такое же состояние испытываешь, «встречаясь» с картинами Левитана. Нет человека, которому они не напоминали бы о милых его сердцу уголках России.

У каждого есть своя любимая картина Левитана. Мне, например, ближе всех картина «Золотая осень». Мне кажется, что по своей живописности, точности красок и простоте эта картина равна пушкинским описаниям осени. Вся поэзия русской осени — с её чистейшим прохладным воздухом, с её затихливыми водами и светлыми далами,

с порохом просвеченного насквозь сентябрьским солнцем золотого листа — воплощена в этой картине с удивительной силой. Вот такой была, должно быть, осень в Болдине, та памятная русская осень, которой мы все благодарны за то, что она оказалась великолепной творческой средой для Пушкина.

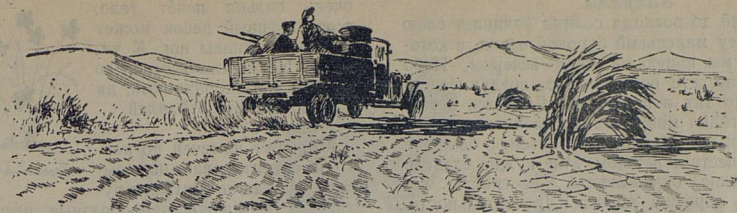
При жизни Левитана было принято искать и находить в его картинах различные оттенки грусти, печали и даже уныния. Время было унылое. Оно пыталось окрасить всё окружающее в свой цвет. Левитановское уныние — это, конечно, глубочайшая неправда. Как можно назвать печальным художника, раскрывшего все богатства красок русской природы во всей её беспредельной изменчивости? Как можно говорить о грусти художника, картины которого пропитаны до последней нитки на холсте любовью к своей стране!

Грусти не было и нет. Но иногда при виде картин Левитана у нас появляется вполне законное сожаление, что мы не можем вот сейчас, в эту минуту, немедленно перенестись в те места, которые изображены на полотне. Это вовсе не грусть, это совсем иное — действительное, живое, плодотворное — чувство, которое мы называем грустью только потому, что не можем его точнее определить.

О каждой из картин Левитана можно написать исследование и поэму. Картины эти известны всей стране. Описать их невозможно. Их надо видеть. Видеть «Золотую осень» с её глубочайшей синевой небесного свода и золотом опадающих берёз. И «Над вечным покоем», где мастерски передано величие в своей угрюмости несчастье. И «Март» с его тающими блётками снегами. И «Свежий ветер» с игрой широкой реки. И «Околицу», освещённую летним закатом. И «У омута», где всё полно той таинственностью, которую создаёт соединение густых зарослей и чистой глубокой воды. И «Владимирку», овеянную памятью о поколениях прекрасных русских людей, поплатившихся каторгой за преданность народу.

Любите Левитана! Вглядывайтесь в его картины, и тогда перед вами предстанет вся наша страна во всей её привольной красоте. И вы любите её ещё больше, чем любили до тех пор, пока её не показал вам этот волшебный художник.

Всю свою жизнь Левитан отдал тому, чтобы воспеть нашу родную страну. Поэтому так велика наша благодарность художнику.



РЕКА В ПУСТЫНЕ

(Из дневника географа)

Г. Е. Ганейзер,
кандидат географических наук

Рисунки А. Кондратьева

5 апреля

Быстро бежит машина. Я не могу оторвать глаз от окружающей нас пустыни. Она совсем зелёная, покрыта цветами и травами! Больше всего здесь песчаной осоки. Её узенькие листки качаются на ветру и чертят на песке запутанные узоры.

Мелькают яркокрасные маки, бледно-сиреневые ирисы, бело-розовые тюльпаны. Изредка встречаются плотно прижатые к песку сочные листья дикого ревеня, напоминающие лопухи. Они достигают иногда полуметра в диаметре.

Какие же это Кара-Кумы — «чёрные», «злые» пески!..

В прозрачной синеве неба заливаются жаворонки. Вон один сидит у дороги. Какой у него славный хохолок на голове! Птичка без боязни следит за машиной своими блестящими чёрными глазками, наклоня головку то на один, то на другой бок.

Часто тишину нарушает резкий, пронзительный свист маленьких песочно-жёлтых сусликов. Суслики очень любопытны и ни за что не пропустят случая посмотреть на такое интересное зрелище, как проезжающая мимо машина... Поставив немножко «столбиком», суслик поспешно пускается наутёк, задрвав кверху свой коротенький хвостик и презабавно подпрыгивая.

7 апреля

Наша экспедиция работает уже больше месяца. Нужно произвести разном-

разные исследования и выяснить условия для строительства гигантского оросительного канала. Через необозримые песчаные просторы пройдёт новая река, созданная советским человеком. Эта река принесёт жизнь десяткам тысяч гектаров плодородных земель, которые лежат сейчас сожжённые солнцем, пустыи и бесплодные.

В пески выедут люди различных специальностей, чтобы дружными усилиями повести наступление на пустыню. Все они будут участвовать в общей большой работе. Много маленьких отрядов рассыплется в пустыне.

Откуда же можно получить так много воды?

Небольшие реки Туркмении целиком разбираются на орошение. Они никогда не впадают: всю их воду выпивают поля, сады и бахчи.

Только полноводная Аму-Дарья могла бы напоить досыта земли Туркмении. Но она протекает у восточного края республики и отделена от её оазисов пустыней Кара-Кумы.

Много веков жила в народе мечта о повороте реки на запад, к Каспийскому морю. И только теперь, в годы сталинских пятилеток, эта мечта будет осуществлена. Мы отберём у Аму-Дарьи часть воды и направим её на запад.



Джамалов жаворончок

8 апреля

Ещё до восхода солнца начинает свою работу маленький буровой отряд, в который мы приехали вчера вечером. Небо на рассвете бело-голубое, воздух совершенно тих и прозрачен. Дышится легко.

Сегодня мне с моим помощником, кол-лектором Ваней, предстоит большое путешествие пешком. Мне нужно сделать описание окружающей местности, собрать образцы пород и растительности. Пока Ваня готовит на костре завтрак, я подожду к буровикам.

— Какие новости? — спрашиваю я у техника Миши.

— До воды дошли, — радостно сообщает он. — И вода какая хорошая, просто замечательная! Вот попробуйте.

Он протягивает мне консервную банку с густой коричневой жидкостью. Вода действительно пресная и без запаха.

Встало солнце. Сразу поглубело небо, поднялся лёгкий ветерок. Первые же солнечные лучи говорят о том, что день будет жарким.

После сытного завтрака мы ещё раз проверяем наше походное снаряжение: у меня полевая сумка с блокнотом, компасом, картой и фотоаппарат; у Вани рюкзак для образцов, лопата, рулетка. Наша одежда кажется совсем неподходящей для ясного весеннего дня: лыжные костюмы, горные ботинки. Но иначе нельзя. Через тонкую ткань солнце



Мне с моим помощником Ваней предстоит большое путешествие пешком. Надо быть очень внимательным, чтобы не сойтись с пути среди однообразных песчаных холмов.

очень сильно печёт тело, а раскалённый песок может обжечь подошвы ног. К тому же возможны встречи со змеями или скорпионами, да и колочек хоть отбавляй.

Итак, в путь!..

Маршрут намечен по карте и ориентирован по компасу. Но как не сбиться с пути, когда вокруг однообразные песчаные холмы и котловины, нет ни камня, ни деревца, которые могли бы служить ориентиром? Надо быть очень внимательным в пути.

Мы идём на юго-восток, прямо на солнце, которое быстро поднимается и начинает припекать. Внимательно приглядываясь к линии горизонта, я замечаю впереди большой пышный куст саксаула, и мы берём направление на него.

Пройдя километров восемь от лагеря, мы заметили на песке узенькие тропинки. Повидимому, они ведут к колодезю. Мы пошли по одной из этих тропинок.

Вот наконец и колодезь, круглый, выложенный кирпичом. Ваня бежит к колодезю.

— Ух, как глубоко! Наверно, вода хорошая, — говорит он, спуская в колодезь фляжку на длинной верёвке.

Он подносит фляжку ко рту.

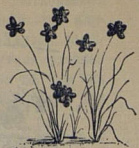
— Подожди, Ваня, может быть...

Я не успеваю докончить фразу, а Ваня, сделавший большой глоток солёной воды, яростно отплёвывается.

— Не надо было жадничать, — подсмеиваюсь я.

У следующего колодезца Ваня был осторожнее. К сожалению, и в нём вода оказалась солёной. Хорошо, что мы предусмотрительно захватили с собой воду из лагеря.

Самое ужасное в пустыне — оказаться без воды. Можно исходить десятки, а иногда и сотни километров и не встретить ни капли пресной воды.



Пустынная трава



Самое унасное в пустыне — остаться без воды. Верблюжьи тропы и узенькие тропинки ведут к колодцу. К такому колодцу пришли и мы.

А солнце печёт неумолимо от восхода до заката, горячий ветер сушит, раскалённый песок обжигает...

«Напоим мы вас, напоим, — думала я, всматриваясь в окружающие меня со всех сторон бесконечные пески. — Пройдёт по пустыне новая река и принесёт с собой жизнь».

Мы вернулись в лагерь только к закату, сделав много интересных записей и наблюдений.

Завтра на рассвете мы отправимся на машине в глубь песков.

15 апреля

Как изменилась пустыня за десять дней! Кругом, куда ни помотришь, накалённые солнцем серовато-жёлтые песчаные холмы, поросшие редкими кустиками и деревцами саксаула.

Солнце с каждым днём греет всё сильнее, пески высохли, и ехать по ним становится всё тяжелее.

Ветер дует нам в спину, поэтому особенно жарко. Вода в радиаторе часто закипает. Приходится останавливаться и доливать воду. Наша средняя скорость не превышала 5—6 километров в час... Шофёр Иван Васильевич был мрачен. Мы израсходовали на машину больше воды, чем предполагали.

Меня пугал большой расход воды. Вдруг не хватит до ближайшего колодца? А если вода окажется солёной или горькой? До встречи с колодцем мы

решили сократить питьевую норму и отменить умыванье.

В двенадцать часов мы сделали привал. Горячий чай и пышные оладьи несколько повысили наше настроение. Мы лежали на животах под машиной — это была единственная тень — и блаженствовали...

Ветер стих совсем. Было видно, как над раскалёнными песками у горизонта дрожал воздух. Высоко в беловато-голубом и горячем небе парил, распластав полуметровые крылья, орёл. Издалека доносился глуховатый звон колокольчиков: где-то за холмами брёл неторопливый караван верблюдов.

Орёл, должно быть, высмотрел кого-то с высоты. Он, как камень, упал на землю и снова взлетел, держа что-то в когтях.

— Черепаху схватил, — сказал Иван Васильевич, — сейчас бросать будет, чтобы панцирь разбить, смотрите!

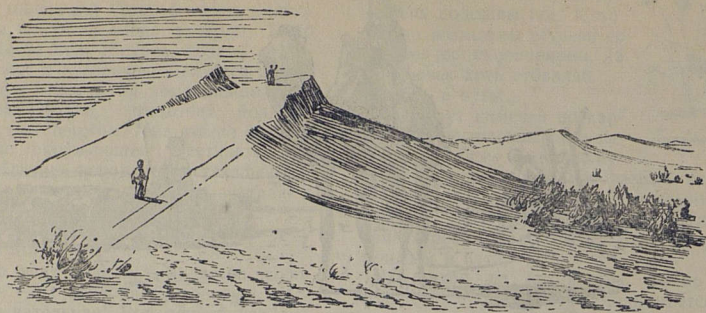
Орёл быстро набирал высоту и скоро превратился в небольшую чёрную точку. От неё отделилась другая, которая быстро падала вниз. Через несколько секунд мы услышали глухой звук упавшего тела, а затем медленно, делая широкие круги, стал опускаться орёл...

За весь день мы проехали всего восемнадцать километров, а устали так, как будто сделали в десять раз больше!..

20 апреля

Сегодня «урожайный» день. Поймали двух зеленовато-жёлтых скорпионов и чёрную мох-





Мы в царстве голых сыпучих песков — в Приамударьинской барханной полосе.

натую фалангу. Одного скорпиона Ваня чуть было не схватил рукой, когда собирал колючку для костра, второго нашли под кошмой, на которой мы обедали, а фалангу вытряхнули из мешочка с образцом породы. Как она туда попала?

24 апреля

Как, оказывается, разнообразен рельеф пустыни! Первое время мы ехали среди пологих холмов, а последние два дня тащимся среди высоких песчаных гряд, разделённых ложбинами.

На полуторатонной машине нельзя взобраться на гряду в лоб, нужно совершать длинные-предлинные объезды. Как усложняют они наш и без того нелёгкий путь...

Вчера вечером мы увидели впереди саксауловый лес. Когда мы подъехали к лесу, солнце село и почти сейчас же стало темно. Повеял лёгкий ветерок, на небе вспыхнули бесчисленные звёзды. Окружавший нас лес казался мрачным и таинственным. Под ногами хрустели сухие ветки.

Выбрав хорошую полянку, мы расположились на ночлег. Сидя у жаркого огня, мы рассматривали узенькие зелёные палочки — «листья» саксаула. Такой стала его листва в борьбе за жизнь в тяжёлых условиях пустыни, где всегда не хватает влаги. Веточка саксаула покрыта тонкой прозрачной плёнкой, хорошо отражающей солнечные лучи и уменьшающей испарение влаги.



Фаланга

Утром, при свете солнца, наш лес оказался совсем прозрачным. Даже забравшись в самую чашу его, мы не находили привычной тени и прохлады. Тень в саксауловом лесу напоминает кружево или тень от маленькой тучки, на минуту закрывшей солнце в жаркий летний день...

Но даже и такая «кружевная» тень уменьшает зной.

28 апреля

Сегодня мы в царстве голых сыпучих песков! Это многокилометровый массив, идущий почти до самой Аму-Дарьи. Он так и называется: Приамударьинская барханная полоса. Барханы — это песчаные холмы. Они образуются там, где есть обнажённые пески и где ветры подолгу дуют в одну и ту же сторону. У каждого бархана есть «спина», которая всегда повёрнута к ветру, и «рога», вытянутые в противоположную сторону.

На выпуклой, словно сутулой спине бархана песок всегда уплотнён, и в нём нога не проваливается; по другой, подветренной стороне идти очень трудно. Ноги утапают иногда по щиколотку, а иногда и по колено. Так как нам приходится бродить по пескам несколько часов, а за это время может подняться ветер и замести наши следы, то мы через каждые 100—200 шагов оставляем на песке опознавательные знаки.

Сначала это было очень просто. На пути всё время встречались высокие кусты кандыма. Ваня отламывал большие ветки и ставил их «головой» вниз. Торчащая из куста «нога» видна изда-лека.

Но вскоре всякая растительность исчезла. Как же быть с ориентирами?

С нами были ситцевые мешочки для образцов. Мы насыпали в них песок и поставили на барханах. Яркие мешочки были видны далеко, и можно было не бояться, что кто-нибудь их утащит или столкнёт: ведь на многие десятки километров вокруг не было ни одного жилья, не заходили в эти места и пастухи со стадами.

В одной из котловин, в которую мы спустились, склоны и дно были усеяны круглыми и полукруглыми дырками. Это были норы черепаха, сусликов, змей и жуков. Все они живут в песке, прячутся в норы и от холода и от зноя.

Нигде возле норок не было видно выброшенного из них песка. Но не подумайте, что такой порядок навели их хозяева. Нет, это ветер позаботился, все улицы подмёл!

Ветер — главный хозяин в пустыне. Хозяйство у него большое, на десятки тысяч квадратных километров раскинулось, вот и гуляет он на просторе, наводит свой порядок. Соберёт пески в высокие холмы, гряды, барханы, а потом не понравится ему — начнёт с другой стороны дуть. Так и перетаскивает пески с места на место... Бестолковый хозяин!..

С движением в глубь пустыни высота песчаных холмов всё возрастала, и вскоре нас окружили настоящие горы высотой с двух — трёхэтажный дом, а иногда и ещё более высокие.

Медленно, вытаскивая вязнущие в песке ноги, шаг за шагом мы подвигаемся к вершине холма. Не так-то просто одолеть горушку высотой в 20 метров!



Скорпион

Солнце печёт немилосердно, ветер стих, и мы добираемся до вершины, буквально обливаясь потом. Он каплями стекает с кончика носа, с подбородка.

Во время подъёма мы измерили крутизну склона, записали его длину, высоту, описали слагающие его пески.

Вот наконец мы и на вершине! Как же здесь хорошо!

Во все стороны до самого горизонта тянутся сыпучие, обнажённые пески. Кажется, что нас окружают высокие волны внезапно застывшего моря. Вдалеке в дрожащем горячем воздухе расплываются очертания барханов.

Подул ветер — и сейчас же гребни барханов «задымилась». Это задвигались на них пески. Мы увидели, как песчинки, точно водяные струйки, побежали по барханам, как более лёгкие частицы стали подниматься в воздух, а более тяжёлые перекатывались по поверхности земли.



Поднялся настоящий ураган. Мы поспешили забраться в «пещеру».



При свете солнца саксауловый лес кажется совершенно прозрачным, даже забравшись в самую чащу, мы не находили в ней тени и прохлады.

Когда ветер снова стих, поверхность барханов покрылась красивым узором. На них образовалась ветровая рябь, похожая на ту, которую вы все видели летом на песчаном дне ручейка или речки...

4 мая

Ну и бурю мы пережили! Как раз на майские праздники. Утром Первого мая, когда мы встали, меня поразила необычайная тишина. Не слышно пения жаворонков. Исчезли черепахи и ящерицы. Даже муравьи прекратили свою хлопотливую беготню.

А на востоке вместе с солнцем поднималась тусклая зелено-серая пелена. Тишина давила и угнетала. Становилось тревожно на душе, трудно было дышать. Было слышно, как частыми, тяжёлыми ударами бьётся сердце.

Мы напряжённо смотрели на идущую с востока тучу. Она разрасталась, поднимаясь вверх и расплываясь в стороны. Солнце с трудом пробивалось сквозь неё, на него можно было смотреть простым глазом.

Прошло, вероятно, полчаса, а может быть, и час. Вдруг налетел лёгкий, чуть заметный ветерок,

Чтобы защититься от наступающей бури, мы решили сделать себе «пещеру» из ящиков, бочонков, палатки и кошмы.

Порывы ветра между тем всё учащались и усиливались. Вскоре поднялся настоящий ураган. Воздух наполнился летящим песком, который забивался в нос, уши, рот, складки одежды. Он скрипел на зубах и резал глаза.

Солнца не было видно; казалось, спустились сумерки. Мы поспешили забраться в «пещеру»; каждый захватил с собой фляжку воды и лепёшку.

В «пещере» можно было сидеть и даже прилечь. Ветер гудел и свистел над нами, а песок, точно дождь, барабанил по крыше. Мы сидели согнувшись, задыхаясь от жары и обливаясь потом. Хотелось есть, но сухую лепёшку вместе с хрустящим на зубах песком проглотить было почти невозможно. А воду мы очень берегли.

Только поздно вечером ветер утих, улёгся песок, и мы могли выползти из «пещеры»...

— Вот так отпраздновали Первое мая! — горевал Ваня, потягиваясь и разминаясь.

Стихая на ночь, буря продолжалась три дня. Только на четвёртый день солнце встало ясное и совершенно очистился горизонт. Можно было продолжать работу.

Лишь к самому заходу солнца добрались мы к намеченной цели — в лагерь бурового отряда.

Все выбежали нам навстречу.

— Воду везёте? — были первые слова, обращённые к нам.

— Немного есть, — отвечал Ваня.

Ко мне подошёл начальник отряда. Поздоровавшись, он отвёл меня в сторону.

— Мы двое суток сидим без воды, — сказал он. — Из-за песчаной бури не пришёл караван верблюдов, который везит нам воду. Сегодня люди не могли работать.

— У нас всего ведра четыре пресной воды, — ответила я. — Откровенно говоря, я сама рассчитывала пополнить свои запасы у вас. Сейчас мы разделим нашу воду на всех поровну.

Вот где я ощутила ценность воды! Начальник мерил воду мензуркой, ровно 500 граммов в порции, не больше и не меньше. Воспалённые глаза внимательно следили за его руками.

Кипятить чай никто не захотел. Все пили драгоценную влагу осторожно, не спеша и с каждым глотком становились бодрее и веселее.

Отряд, в который мы приехали, занимался глубоким механическим бурением, при котором глубина скважин может достигать многих сотен метров. Образцы пород поднимают на поверхность в таком виде, как они залегают в глубине земли.

Буровые скважины стоят очень дорого, и бурить их трудно. Чтобы добыть образец породы с глубины в несколько сот метров, нужно вытащить из скважин все тяжёлые штанги и буровой инструмент. Потом снова нужно опустить их на прежнюю глубину и, продвинувшись всего на 10—15 сантиметров вглубь, снова всё вытаскивать наверх.

А сколько неожиданностей встречают буровики в глубине! То вскроют горизонт

воды, и в скважину хлынут потоки, от которых нужно защищаться; то попадут в текучий грунт-пльвун, который засасывает инструмент; то встретят такой крепкий грунт, что за целый день пробьются в нём только на 5—10 сантиметров.

Но маленький дружный коллектив успешно боролся со всеми трудностями и всегда перевыполнял свои нормы. Вот и на этот раз начальник отряда, старший буровой мастер, с гордостью рассказал мне о результатах истекшего месяца: отряд выполнил задание на 254 процента.

Я знала, что в отряде не хватало людей.

— Как же вы работаете? Круглые сутки?

— Работаем все по двенадцать часов... Вон у меня коллекторы Аня и Маруся — так их не оттащишь от скважины. Смена кончается, а они всё сидят.

14 мая

Короткое прощание с друзьями. И снова вокруг нас раскалённая песчаная пустыня, горячий ветер, колодцы с солёной водой... Но от сознания того, что в этих песках работают наши, советские люди, она уже кажется своей, обжитой.

Ну, и досталось же нам вчера! Нам предстояло проехать через несколько довольно длинных и крутых холмов. Уже подъезжая к первому из них, я поняла по сосредоточенному и напряжённому лицу шофёра, что нас ждут большие трудности.

Немного не доезжая холма, Иван Васильевич стал резко увеличивать скорость. На полном ходу машина взлетела до половины склона и... остановилась, зарывшись задними колёсами в песок. Машина вздрагивала, колёса вертелись и всё глубже и глубже зарывались в песок.

Иван Васильевич выключил мотор. Настала тишина.

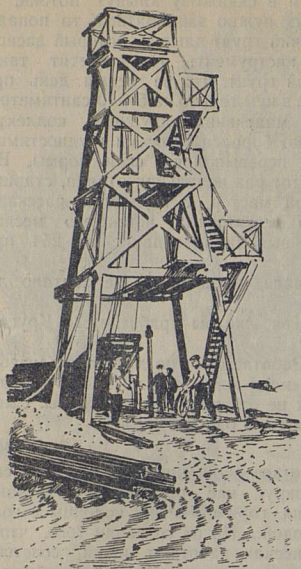
— Вот и сели! — сердито сказал он, выходя из кабины. — Надо отрывать и шалманы подкладывать.

Лопатой и руками мы отбросили песок от задних колёс и подсунили под них длинные брёвна — шалманы. Шофёр включил мотор, и машина, свирепо рывча, двинулась. Два — три метра — и остановка... Таким черепашьям ходом мы ползали по буграм до самой темноты.

Это было прощание с пустыней.



Варан.



Отряд, в который мы приехали, занимался глубоким механическим бурением.

Через несколько дней в маленьком городке Байрам-Али мы занялись обработкой материалов и составлением отчёта. Это нелёгкая, но очень важная часть нашей работы...

Работы окончены, отчёт написан, Кара-Кумы, Ашхабад, Байрам-Али —

всё это осталось там, в далёкой солнечной Туркмении... Но я навсегда полюбила этот край. Сегодня, в дождливый осенний день, в Москве, я вижу перед собой пески, покрытые весенней зеленью, караваны и палатки в пустыне, круглые колоды, саксауловые леса.

Я часто мечтаю о том, чего ещё нет, но что обязательно будет... Вытаскиваю свои записные книжки, кладу на стол карту Средней Азии. И передо мной оживают золотые песчаные просторы. Синее лента Аму-Дарьи справа, синее глубины Каспия слева. Между ними каракумские пески. Две робкие голубые ниточки теряются в них — реки Мургаб и Теджен. Но я представляю ещё одну синюю ленту, которой пока нет ни на одной карте. Она перережет Кара-Кумы и соединит Аму-Дарью и Каспийское море.

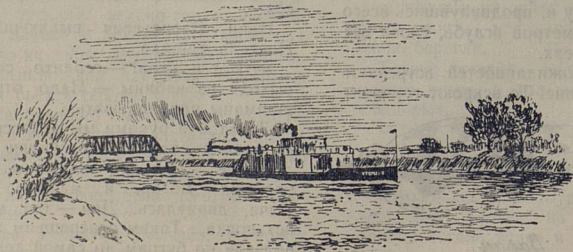
Сколько же это километров? Около двух тысяч. Эта лента будет длиннее Днепра и Дона. Эта лента — будущий Каракумский канал, канал, какого не было и нет нигде в мире.

Придёт такое время, когда вы сможете водным путём проехать из Москвы в Ашхабад или в Аральское море. Ваш пароход пройдёт мимо хребтов Копет-Дага и пересечёт каракумские пески, где сейчас мерно шагают караваны верблюдов — «кораблей пустыни».

Напоённая досыта амударьинской водой, земля покроется полями, садами, виноградниками и бахчами.

Заколосится на новых полях золотистая пшеница, раскроются коробочки с белоснежным хлопком, под тяжёлыми гроздьями согнутся виноградные лозы...

Цветущим садом станет страна...





АБА И КИГ

(Из сказок старого анчи¹)

Александр Антокольский

Рисунки Ю. Кискачи

Ты слышишь, как свистит сегодня ветер? Никто не любит этого свиста. А если станет тебя такая метель где-нибудь в степи, — тут уж совсем плохо.

Нам с тобой торопиться некуда. Крыша у нас над головой крепкая, и печка горит жарко. Давай-ка закурим ещё по трубочке. А чтобы не уснуть, я, если хочешь, расскажу тебе сказку...

Неподалёку от этих мест жили два соседа — медведь Аба и козёл Киг. Где подружились они, не знаю. Только хорошо жили между собой. Не было такого дня, чтобы Аба и Киг не ходили друг к другу в гости. Не было такого вечера, чтобы они не сидели рядом, покуривая трубки и обсуждая последние новости. И все — от самого последнего зайца до грозного тигра — знали: Аба и Киг — друзья!

Знал об этом и одноглазый старый волк. Э, как не нравилась ему эта дружба! Почему? Да очень просто: уж очень чесались у него зубы на Кига. А он знал: Аба своего друга в обиду не даст.

Задумался одноглазый волк: как поссорить друзей? День думал — не придумал. Два думал — не придумал. Позвал волк на помощь змею.

— Хитра ты, соседка, очень хитра, — сказал волк. — Недаром у тебя двойной язык. Вот и придумай, как Абу с Кигом поссорить. А не придумаешь, плохо тебе будет!

День думала змея — не придумала. Два думала — не придумала. Рассердился волк — убил змею.

Позвал Одноглазый на помощь лисицу. — Вот что, соседка, — сказал ей волк. — Видишь эту трубку?

— Конечно, вижу, наш всеми уважаемый волк!

— Так вот, пока я выкурю пять таких трубок, ты должна придумать, как поссорить Абу с Кигом. А не придумаешь, я оторву у тебя хвост. Пригодится вместо венника юрту подметать!

Испугалась лиса. Три трубки выкурил волк — ничего не придумала лисица. Закурил четвёртую — придумала. Выслушал её Одноглазый, расхохотался от удовольствия:

— Молодец, лиса! Ох, молодец! Можешь отправляться домой. А твой хвост я беру себе на память!

— Ой, великодушный волк, не делай этого! — взвизгнула лиса. — Не позорь меня на всю тайгу!

— Лучшего венника мне нигде не найти! — рявкнул волк, оторвал у лисы хвост и выгнал её из юрты.

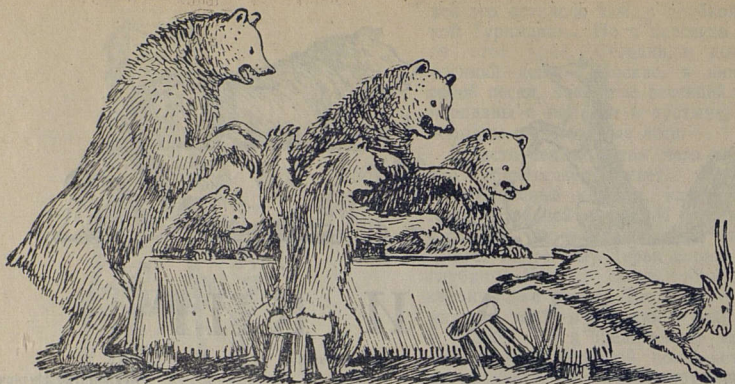
Прошёл день, а может быть, и два. Повстречались у реки Аба и Одноглазый. Поздоровался Одноглазый с медведем, раскурил с ним трубочку, поговорил о том да о сём. И вдруг вздохнул, да так тяжело, так глубоко, что даже заяц, и тот бы сообразил: беспокойно на сердце у Одноглавого.

— Что с тобой, Одноглазый? — удивился Аба. — Или, может, ты мяса давно не пробовал?

Пригорюнился волк:

— Где уж мне, старому, о мясе думать! И годы мои ушли. И зубов не стало.

¹ Аба — по-какасски медведь, киг — козёл. анчи — охотник.



Я ведь теперь одним только берёзовым соком и питаюсь! Нет, Аба, не о себе я грущу — о тебе.

Встревожился Аба:

— Эй, Одноглазый! Что-то не пойму я тебя!

— Жаль мне тебя, Аба. Очень жаль. Такой ты красивый, такой умный, а должен умереть...

Подскочил Аба от испуга:

— Ты что это выдумал, а?! Пусть умирают, кто послабее да поглупее меня!

Опять вздохнул Одноглазый, да ещё глубже прежнего:

— Ах, Аба, Аба! А разве сильные не умирают? Ох, Аба, Аба, Аба! Жаль мне тебя!

Рассвирепел Аба:

— Эй, Одноглазый! Моя-то смерть, может, и не за горами, а твоя рядом с тобой стоит! Рассказывай всё, что знаешь! А не расскажешь — убью!

Обрадовался волк. Не ожидал Одноглазый, что Аба так легко попадётся на его удочку. Но виду не подал. Ещё раз вздохнул и говорит:

— Не хотел я тебя, Аба, расстраивать, не хотел огорчать. Да уж ладно, слушай! Правда ли, что этой ночью ты собираешься праздновать день твоего рождения?

— Правда!

— Правда ли, что на этот праздник ты пригласил всех твоих родственников?

— Правда, правда. Да что из этого?

— Потерпи, Аба, сейчас узнаешь. Скажи: кого ты позвал на праздник, кроме родни?

— Кого? Моего лучшего друга Кига!

— Так, так... Это очень, очень хорошо! А чем ты, Аба, собираешься угощать гостей?

— Чем? Мясом, мясом я собираюсь угощать гостей!

— Да ведь мясо-то отравлено.

Удивился медведь. Даже трубку из зубов выронил:

— Что?! Отравлено? Да ты это откуда знаешь?

— Ах, Аба! Я дал моё честное волчье слово, что никому не расскажу об этом. Но если бы я не встретил тебя здесь, я сам бы пришёл к тебе! Поверишь, я даже аппетит потерял от мысли, что тебе, доброму Абе, грозит смертельная опасность!

— Спасибо тебе, Одноглазый! Но кто отравил мясо? Говори скорее! Я ему все рёбра переломая!

— Нет, Аба. Этого я тебе не скажу! Иди, Аба, скорее домой. Замени отравленное мясо свежим и смело подавай его на стол. Тот, кто откажется от угощения, — твой враг. Ведь он не будет знать, что мясо свежее, а зачем ему есть мясо, которое он сам же и отравил?

Поздно вечером из дальних лесов да из ближней тайги в юрту Абы собрались гости. Какие подарки принесли они Абе! Тётушка приволокла молодого телёнка. Сёстры — по целому барашку. Не забыл своего друга и верный Киг: много лесного мёда принёс он Абе. А старый, всеми уважаемый дед... Э, да что время терять! Всё равно всего не перечтёшь!

Сели гости за стол. Весело поглядывают

на угощение. Влез Аба на хозяйское место, отложил трубку в сторону и говорит:

— Ну, гости дорогие, пора за дело приниматься! Какой вам, тётушка, кусочек положить?

— Положи-ка мне, Аба, свежей баранинки. Да пожирней!

— А вас, дорогие сестрицы, чем угостить?

— А нам, братец, подвинь-ка поближе козлятину. Да побольше!

— А вас, уважаемый дедушка, чем обрадовать?

— Телятинкой, внучек, телятинкой. Да помягче!

Дошла очередь и до Кига.

— А тебе, мой верный Киг, каким кусочком угудить?

Смутился Киг:

— Не обижайся на меня, дорогой Аба. Но я совсем сыт!

Насторожился медведь:

— Нехорошо, сосед. Все едят, один ты отказываешься. Говори, какое мясо тебе нравится?

Ещё больше смутился Киг:

— Я ещё в детстве дал моей матери клятву никогда не пробовать мяса...

— Ах, вот оно что! — неожиданно взревел Аба. — Ах, предатель! Конечно, зачем тебе пробовать мясо, которое ты сам и отравил?! Эй, гости дорогие! У нас совсем не осталось козлятины! Хватайте этого козла! Да тащите его на стол!

Бросились медведи на Кига. Не знаю уж, как выскочил Киг из юрты и без оглядки пустился бежать в тайгу.

Ты, наверное, сам замечал: куда ни пойдёшь, а ветер тут как тут. Уж такой он от

рождения: всё слышит, обо всём знает. Так было и тогда. Пролетал ветер мимо юрты волка, случайно присел на её крышу сапог поправить и услышал разговор Одноглазого с лисницей. Решил ветер прочувствовать старого убийцу...

А Одноглазый зря времени не терял. Выбрал он удобное место под огромным деревом, притаился и ждёт. Только по этой тропинке и мог пробежать Киг. Лежит Одноглазый, облизывается. И слышит: кто-то бежит. Бежит, торопится, только копытца о землю постукивают.

— Ну, вот я и с ужином! — сказал Одноглазый и приготовился к прыжку.

Только и ветер не дремал. Загудел он, засвистел и изо всех сил навалился на огромное дерево. Пошатнулось дерево, обрушилось на Одноглазого.

А утром к Абе притащилась бесхвостая лиса. Уж плакала она, плакала, уж ругала себя, ругала, уж просила она, молила у Абы защиты от Одноглазого.

Вот бы посмотрел ты, как рассвирепел Аба! Его, самого сильного, самого умного, и так обманули! Бросился Аба на лису, едва спаслась бесхвостая!

Позвал Аба белку и говорит:

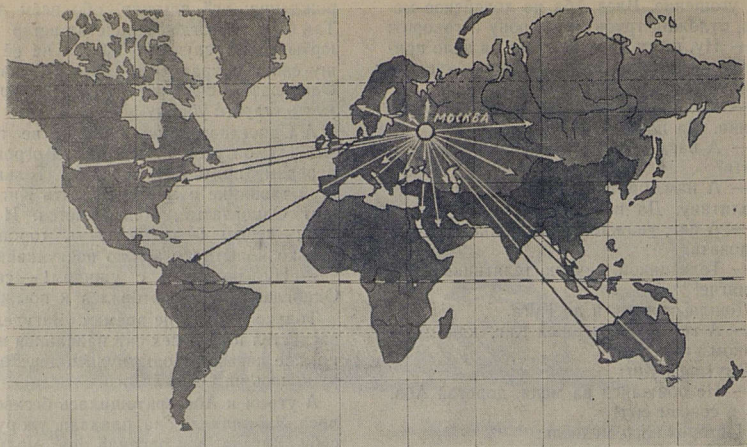
— Беги скорее в тайгу, найди там моего друга Кига. Передай, что я хочу с ним мириться.

Вслушал Киг белку.

— Нет! — сказал он. — Никогда больше не бывать нашей дружбе! Тот, кто поверит первому встречному больше, чем своему другу, недостоин настоящей дружбы!

Вот с тех самых пор никто никогда и не видел больше медведя и козла вместе.





В ПИОНЕРСКОМ РАДИОКЛУБЕ

Б. Ляпунов

Перед нами большая карта мира. На ней мы видим стрелки, которые идут от Москвы во все концы земного шара. Эта карта показывает, где была услышана коротковолновая радиостанция московского Дома пионеров.

Под картой приколото множество открыток, которыми обмениваются радиолюбители-коротковолновики, установившие связь друг с другом. Они присланы



Модель корабля, управляемая по радио.

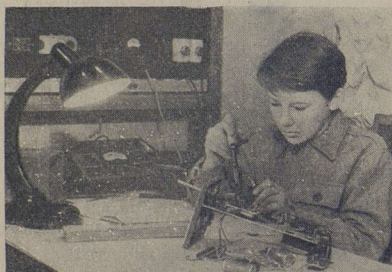
московским пионерам из Африки, Австралии, Америки, Азии.

В комнате, где занимаются члены пионерского радиоклуба, множество самых разнообразных радиоприёмников и радиоаппаратов, сделанных руками ребят. Их работы показывались на выставках и не раз были отмечены дипломами.

Здесь мы расскажем лишь о некоторых работах юных радиоконструкторов.

...Наступает лето — пора походов и экскурсий. На привале хорошо послушать радио. Ребята построили несколько типов маленьких переносных радиоприёмников. Один из них немного больше фотоаппарата «ФЭД» и помещается в таком же кожаном футляре. Другой приёмник легко можно установить на велосипеде.

Для пионерского лагеря очень удобен построенный в клубе переносный радио-



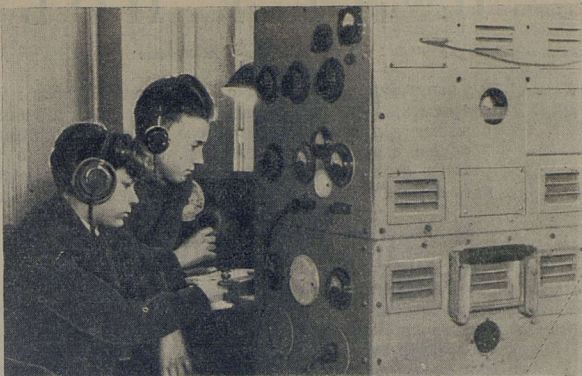
Серёна Мелинадзе, ученик 7-го класса 310-й школы, работает над радиоуправлением для модели корабля.

приёмник, который можно носить через плечо в небольшой коробке.

Всем известен «Конструктор» — набор металлических деталей, из которых легко собираются игрушечные модели. Члены радиоклуба изготовили «Радиоконструктор». Из его деталей можно собирать приёмники, усилители, генераторы высокой частоты, фотореле и т. д. Изготовлено уже несколько типов «Радиоконструкторов». Один из них, например, позволяет собрать до двадцати четырёх различных радиоаппаратов.

Как происходит радиопередача? Это можно наглядно увидеть на действующей схеме радиостанции, построенной членами радиоклуба.

Но радиоволны не только передают речь, музыку, телеграфные сигналы. С их помощью можно передавать изображения и определять расстояние до предметов, закалять металл и сушить древесину. Члены клуба хорошо знакомы со всеми этими новейшими достижениями радиотехники. Искусными руками ребят собраны схемы телевизионной установки и радиолокатора, построена действующая модель генератора токов высокой частоты, применяющегося для сушки изделий. В клубе есть и само-



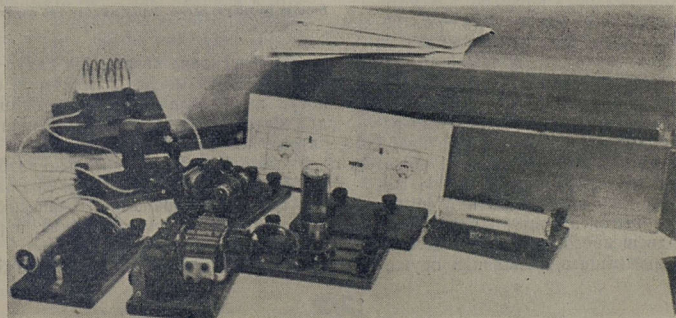
Виктор Орешников и Толя Фокин работают на радиостанции «ЦА-ЭКАС» московского Дома пионеров.

дельный звукозаписывающий аппарат, он не уступает фабричному.

Сейчас ребята заканчивают постройку управляемой по радио модели корабля. Этот корабль сможет выполнять восемь команд, переданных с берега.

Во многих школах Москвы появились радиоузлы. Их помогли построить члены радиоклуба.

— Скоро мы будем ещё больше делать для школ. Осенью мы откроем пионерский радиозавод, — говорит руководитель клуба Борис Михайлович Сметанин. — На этом заводе директором, главным инженером, конструкторами, инженерами, мастерами и рабочими будут ребята. Всю продукцию завода мы будем посылать в школы.



Такие «Радиоконструкторы» будет выпускать пионерский радиозавод.

ПУТЬ К ПОБЕДЕ

А. Хмелик

Этим летом в Москву со всех концов страны приехали юные спортсмены. Здесь на стадионе «Сталинец» с ними занимались опытные тренеры. И хотя многие юноши и девушки уже имели хорошие спортивные результаты, все они упорно тренировались: учились выше прыгать, быстрее бегать, дальше метать диск, толкать ядро. Об этих настойчивых ребятах мы и рассказываем вам.

Прыжок Бениты Битнере

Год назад в Риге ученица пятой школы Бенита Битнере завоевала первенство города среди девочек по прыжкам в высоту.

Нелегко далась ей эта победа.

Кроме Бениты, высоту 130 сантиметров взяла Ирейна Джаймауте, из четвёртой школы.

Судьи подняли планку ещё на 5 сантиметров. Ирейна разбежалась и прыгнула. Но она задела планку рукой и сбила её. Вслед за Ирейной вышла Бенита. Девочка волновалась, несколько секунд постояла в нерешительности, а потом разбежалась и прыгнула... На мгновение все замерли... Взяла!

Но это ещё не победа. Ирейна имела право сделать ещё две попытки.

«Если хоть одна будет удачной, то придётся прыгать на 140,— подумала Бенита.— А столько мне не взять».

Но Ирейне не удалось прыгнуть на 135 сантиметров, и победа осталась за Бенитой.

С тех пор прошёл год. Для Бениты Битнере это был год напряжённой тренировки.

Казалось бы, много ли это — пятнадцать сантиметров? Но спортсмены знают: часто и один сантиметр в прыжках или десятая доля секунды в беге стоят большого труда.

Всю зиму Бенита вместе с другими ребятами занималась в детской спортивной школе. Много разных упражнений существует для тренировки прыгунов. И девочка старательно выполняла их. Прыгала с места, пытаясь достать головой до высоко подвешенного мяча. Приседала, а потом, выпрямившись, резко, как пружи-



Бенита Битнере легко берёт высоту 145 сантиметров.

на, подпрыгивала вверх. Она клала на колени тяжёлый мешок с песком и, согнув ногу, поднимала мешок пятнадцать — двадцать раз. От этого упражнения у неё укрепились мускулы ног.

Училась Бенита стремительно разбегаться перед прыжком. Для этого она на каждой тренировке брала 5—10 «низких стартов». Бенита ходила на лыжах, а ранней весной часто бегала кроссы.

Приближалось лето — пора легкоатле-



тических соревнований. Наконец настал день, когда Бенита снова вышла на стадион. В этот раз она уже легко взяла и 140 сантиметров и 145...

Но вот судьи установили планку на высоте 150 сантиметров. Бенита прыгнула и упала на песок вместе с планкой.

Рекордсмен РСФСР

Анатолий Стефанович провёл своё детство на Дальнем Востоке. Все его товарищи мечтали стать моряками. Толя тоже мечтал о дальних плаваниях. Но он не любил говорить об этом: боялся, что ребята засмеют. Ведь моряк должен быть сильным, а Толя был невысок ростом и не отличался силой и ловкостью.

Может быть, так и не удалось бы ему осуществить свою мечту, если бы не «чуждое» превращение, которое произошло с ним. Как-то раз во время футбольного матча ребята увидели, что Толя сильнее многих бьёт по мячу и быстрее бегает. Все удивились такой «внезапной» перемене. Ребята не знали, что уже несколько месяцев Толя уходил на потайное место на берегу Амура, где его никто не мог увидеть. Там он подтягивался, ухватившись за ветку дерева, поднимал с земли тяжёлые камни. Среди них был у мальчика один самый упорный противник — большой, увесистый камень. Долго не мог Толя осилить его. И когда наконец удалось справиться с камнем, Толя обрадовался так, словно свернул гору. Ничего этого не знали ребята. Вот почему они удивились, когда увидели, как окреп Толя.

В пятнадцать лет Толю приняли в морскую школу. Воспитанники школы любили физкультуру, среди них было много хороших бегунов, метателей, боксёров. Толя тоже начал по-настоящему заниматься спортом. Особенно нравилась ему тяжёлая атлетика. Он увлёкся борьбой. Быстро изучил все приёмы и стал побеждать товарищей. Много тренировался он в поднятии тяжестей. Узнал, что штангу поднимают по-разному. Если поднимать её над головой медленно, — это называется «жим». Если от груди штангу резко толкнуть вверх, — это будет «толчок».

«Всё равно возьму!» — решила Бенита.

Снова прыгнула и, коснувшись земли, взлетела вверх: планка лежала на месте.

Результат Бениты Битнере — 150 сантиметров — был новым рекордом Латвии для девушек.

А если прямо с земли штангу, не задерживая на уровне груди, выбрасывать вверх, — это «рывок». Анатолий упражнялся во всех этих видах, участвовал в соревнованиях тяжелоатлетов и добился победы. Через два года он мог выжать двумя руками штангу весом в 80 килограммов. Рывком поднимал 82,5 килограмма. А его результат в толчке дошёл до 107 килограммов.

После войны Анатолий Стефанович поступил в Ивановский техникум физкультуры. Осеню студенты проводили соревнования по лёгкой атлетике. Сначала Анатолий не думал участвовать в состязании.

— Ну какой я легкоатлет! — говорил он друзьям.

Но товарищи уговорили его попробовать свои силы. Результат прыжка в длину был неожиданным для Анатолия — 5 метров 60 сантиметров! И это без специальной подготовки. Помогли, конечно, занятия тяжёлой атлетикой.

После первого успеха Анатолий стал упорно тренироваться.

Разбег перед прыжком был у него недостаточно энергичным. Анатолий стал заниматься бегом на короткие дистанции. И чем лучше становились результаты стометровки, тем дальше удавалось прыгнуть в длину.

На всесоюзных соревнованиях студентов физкультурных техникумов молодой легкоатлет сделал рекордный прыжок — 6 метров 73 сантиметра. В прошлом году Анатолий Стефанович улучшил это достижение на 5 сантиметров и стал рекордсменом РСФСР. А в этом году на заочных соревнованиях легкоатлетов Анатолий пробежал 100 метров за 11 секунд и прыгнул в длину на 6 метров 94 сантиметра.



На беговой дорожке

Одиннадцать лет назад школьник Борис Тарелкин установил всесоюзный рекорд в беге на 60 метров для юношей. Он пробежал дистанцию за 7,2 секунды. С тех пор многие пытались улучшить этот результат, но никому это не удалось.

И вот недавно на беговую дорожку стадиона «Сталинец» вышли двое юношей. Один — высокий, широкоплечий, крепкий; другой — гораздо ниже ростом, худощавее. Трудно было поверить, что это ровесники. Первого звали Давид Бреслер, второго — Лёва Алексеев...

На майке Давида эмблема общества «Сталинец». Уже несколько лет занимается он лёгкой атлетикой в юношеской спортивной школе этого общества. У него хорошие результаты в беге на 80 метров с барьерами. Он даже думает вскоре попробовать побить рекорд на этой дистанции. И на 400 метров Давид бегаёт неплохо.

Лёва Алексеев тренируется в детской спортивной школе Министерства путей сообщения. Он спринтер — бегун на короткие дистанции. 30 метров Лёва пробегаёт

за 3,8 секунды, а если стартует «с хода», то ещё быстрее: за 3,1 секунды. Значит, 60 метров он может пробежать за 6,9 секунды, скажете вы? Нет, это Лёве ещё не удалось, потому что он недостаточно вынослив. Он начинает бег стремительным рывком. Первую половину пути пробегаёт в рекордное время, а потом сдаёт, не выдерживает темпа. Никак не удаётся ему пробежать 60 метров хотя бы за 7,1 секунды.

Давид и Лёва много тренировались, готовясь к предстоящей встрече. И вот они стоят рядом на беговой дорожке. Оба в последний раз перед началом состязания вспоминают советы своих тренеров.

«Только бы не сбавить скорость перед финишем», — думает Лёва.

Давид тоже знает свой недостаток.

— Резче начинай бег, — говорил ему тренер. — Не «засиживайся» на старте.

Волнуются зрители. Их интересует не только кто победит. Все хотят, чтобы был наконец побит рекорд, установленный ещё в то время, когда Давид и Лёва были пятилетними малышами.

Звучит команда:

— На старт!.. Внимание!..

Судья поднимает вверх руку со стартовым пистолетом. Стадион затих... Выстрел!..

Бегуны срываются с места.

Впереди Лёва. Давид взял старт недостаточно резко. Он отстаёт. Всего на шаг, не больше. Может быть, перед финишем ему удастся наверстать упущенное.

Пройдены 30 метров. Лёва делает рывок. Расстояние между противниками увеличивается. Зрители на трибунах поднимаются с мест и напряжённо следят за бегунами. Кто будет первым?..

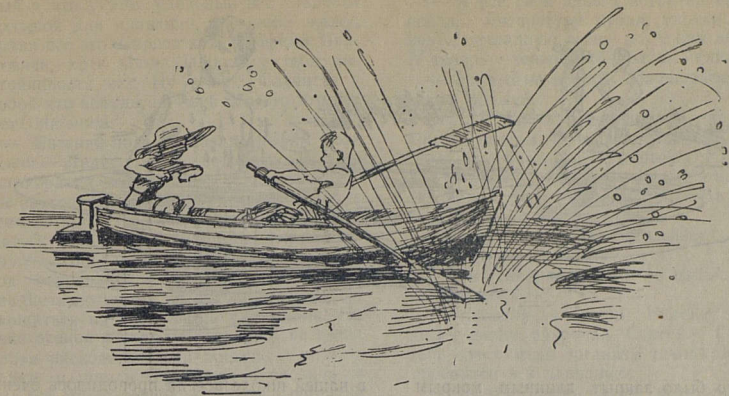
Лёва рвёт ленточку. И тотчас же пересекает линию финиша Давид. Судьи смотрят на секундомеры. Лёва Алексеев пробежал дистанцию за 7,2 секунды, Давид Бреслер — за 7,4.

Лёва победил с хорошим результатом. Но он недоволен. Старый рекорд и в этот раз не побит.

— Не унывай, — успокаивает Лёву тренер. — Придётся ещё потрудиться...



Лёва Алексеев (слева) и Давид Бреслер на разминке.



Учитель плавания

Рассказ Ю. Сотника

Рисунки А. Каневского

Мы с Витей Гребневым и ещё пятнадцать ребят из школьного туристического кружка собирались в большой лодочный поход по реке Синей. Нам предстояло подняться вверх по течению на семьдесят километров, а потом спуститься обратно.

Грести против течения — дело нелёгкое, особенно без тренировки. Но тут-то нам с Витей и повезло. За две недели до начала похода муж моей сестры купил по случаю двухвёсельную лодку. Он позволил нам кататься на ней, пока у него не начался отпуск. И вот мы с Витей уже несколько дней тренировались в гребле.

Правда, тренировался больше я один. Витя — малый упитанный, грузный и не то чтобы ленивый, а какой-то флегматичный. Он предпочитал быть за рулевого. В одних трусах, в огромной соломенной шляпе, привезённой его мамой из Крыма, он сидел на корме, правил и командовал:

— Вдох, выдох! Вдох, выдох!

Я размеренно грёб, стараясь правильно дышать и не зарывать вёсел в воду.

Хорошо было в тот день на реке! Слева медленно полз назад высокий, обрывистый берег, на котором среди зелени белели домики городской окраины. Справа берег был низкий, заболоченный. Там у самой воды, словно тысячи зелёных шты-

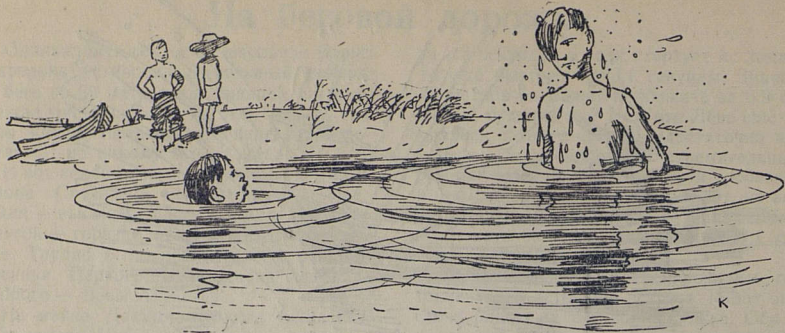
ков, торчали листья осоки, за осокой тянулся луг, а за лугом виднелись ржаные поля. Иногда к нам на борт садилась отдохнуть стрекоза или бабочка, иногда из воды выскакивала рыба, словно для того, чтобы взглянуть, кто это плывёт на лодке.

Скоро мы проплыли под небольшим пешеходным мостиком. Здесь город кончался. Дальше на левом берегу зеленели огороды, а внизу, под обрывом, тянулся узкий, но очень удобный пляж с чистым песком. По выходным дням на этом пляже собиралось много купающихся, но сейчас тут были только два человека: Серёжа Ольховников и Женя Груздев.

Мы причалили недалеко от них, вытащили лодку носом на берег и сели на песок, но ни Серёжа, ни Женя нас не заметили. Они стояли метрах в трёх от берега. Долговязому Сергею вода была по грудь, а коротенькому Женьке — по горло. Оба они отплёвывались, тяжело дышали, и лица у них были совсем измученные.

— Ты... ты, главное, спокойней! — говорила торчащая из воды круглая женькина голова. — Ты не колоти по воде, а под себя подгребай, под себя подгребай!

Сергей ничего не отвечал. Он смотрел на Женьку злым левым глазом. Правый



глаз его было закрыт длинным мокрым чубом, прилипшим к лицу.

— Давай! — сказала женькина голова. — Ещё разочек. Главное, спокойно!

Сергей лёг на воду и с такой силой заколотил по ней длинными руками и ногами, что брызги полетели во все стороны метров на пять, а женькина голова совсем исчезла в белой пене, но он продолжал выкрикивать:

— Спокойно!.. Подгребай! Не торопись, под себя подгребай!..

Сергей быстро пошёл ко дну. Женька хотел его поддержать, но по ошибке схватил не за руку, а за ногу.

Наконец они вылезли на берег. У обоих кожа была синяя и покрыта пупырышками, как у старых общипанных куриц. Они теперь заметили нас, но даже не поздоровались. Сергей сел на песок рядом с Витей, обхватив ноги руками и положив подбородок на колени. Женька остался на ногах. Оба они стучали зубами.

— Не па-па-падай духом, — сказал Женька. — Посте-пе-пе-пенно научишься.

Мы с Витей переглянулись. Витя лёг на спину и стал пригоршнями сыпать песок себе на грудь.

— Да, Серёженька! — сказал он. — Хорошую шуточку с тобой твой друг устроил!

— Убить его ма-ма-мало, та-та-такого друга!

Мы с Витей опять переглянулись, и я подумал про себя: «Кому-кому, а Витьке повезло в дружбе. Кто-кто, а я-то уж никогда не подведу его, как Женька подвёл Сергея».

Сергей и Женька тоже собирались в лодочный поход. Пеших экскурсий и походов

в нашей школе всегда проводилось очень много, а лодочный устраивался впервые. Нечего и говорить, с каким увлечением мы все к нему готовились, с каким нетерпением ждали первого июля, на которое был назначен старт! Сергей был одним из самых заядлых наших туристов, а тут он прямо помешался на лодках, на рыболовных снастях, на всяких фарватерах, ватерлиниях и кильватерных колоннах.

Дней за десять до начала похода все собрались в пионерской комнате. Начальник похода учитель географии Трофим Иванович распределил обязанности и сказал, какие вещи нужно взять. Вдруг он приложил ладонь ко лбу:

— Да, товарищи! О самом главном я и забыл! Поднимите руки, кто не умеет плавать.

Никто не поднял руки. Я знал, что Витя плавать не умеет, но, конечно, не стал его выдавать. А Женька вдруг повернулся к Сергею и громко сказал:

— Серёжка! Ну, чего ты прычешься? Ты же не умеешь плавать!

В пионерской комнате наступила такая тишина, словно там не люди сидели, а статуи. Сергей страшно покраснел. Он так посмотрел на Женьку, что у другого язык отнялся бы, но Женька продолжал:

— Чего ты злишься, Серёжка? Ну, чего ты злишься? Скажешь, конечно, что я плохой товарищ, раз тебя выдаю! А я тебе отвечу: ведь до похода не два дня, а целых десять, — значит, ты можешь научиться плавать. Ты вот всё говоришь, что уже учился, что у тебя ничего не получается, потому что ты худой, но тяжё-

лый и что у тебя удельный вес слишком большой для плавания. А я тебе скажу, враки всё это. Спроси хоть Трофима Ивановича, хоть кого... Просто у тебя настойчивости нет. Ну и вот! Случится с тобой что-нибудь, на чьей совести это будет? На моей.

— Евгений прав,— сказал Трофим Иванович.— Делу помочь нетрудно. Я уже договорился с Василием Васильевичем. Ты завтра, Сергей, зайди к нему домой в десять утра. Отправитесь на речку заниматься плаванием. Но предупреждаю, друг: сегодня у нас восемнадцатое. В поход отправляемся первого. Если ты к двадцать восьмому не научишься хотя бы держаться на воде, тогда уж извини. На реке всякое может случиться. Я не имею права рисковать твоей жизнью.

Все мы знали Трофима Ивановича, и все мы знали теперь, что если Сергей не научится, то он в поход не пойдёт.

Когда окончилось собрание, Сергей ушёл из школы, даже не взглянув на Евгения. На следующее утро он отправился к преподавателю физкультуры, но оказалось, что Василий Васильевич заболел ангиной и лежит в постели. Тогда Женька сказал Сергею, что он сам научит его плавать. Сергей сначала и разговаривать с Женькой не захотел, но потом согласился. Как-никак, а Женька был одним из лучших наших пловцов.

С тех пор во время наших тренировок мы с Витей каждый день видели, как они мучаются. Вот и теперь мы смотрели на них и очень сочувствовали Сергею. До начала похода осталась только неделя, а он всё ещё плавал, как топор.

Вите было хорошо! Он поступил в нашу школу этой осенью, и никто, кроме меня, не знал, что он не умеет плавать. Правда, после того собрания я попытался научить его, да он оказался каким-то неспособным: как ляжет на воду, так сразу зажмурит глаза, перестанет дышать и — ко дну. Мы попробовали разок, другой, потом ему надоело.

— Хватит! — сказал он. — Чем даром время терять, давай получше в гребле тренируемся. А буду я тонуть, так ты же плаваешь, как рыба, — вытащишь меня.

* * *

Женька прилёг на песок, подперев голову рукой. Сергей попрежнему сидел, полжив подбородок на острые колени.

Он сказал, ни к кому не обращаясь:

— Я все свои деньги истратил на этот поход... Литературу купил, удочки... Три недели складную вершу вот с ним делал... А теперь... теперь всё прахом пошло.

— Ничего не прахом. Научишься,— ответил Женька.

Сергей повернулся к нему и вдруг закричал тонким, почти плачущим голосом:

— «Научишься! Научишься!» Уже три дня из реки не вылезаем, а чему я научился? Чему? Воду литрами глотать — вот чему я у тебя научился!

Женька спокойно разглядывал на ладони какую-то песчинку.

— Ты, главное, духом не падай. Ещё неделя впереди.

— «Неделя впереди! Неделя впереди!» — опять закричал Сергей. — Говорят тебе, что у меня организм такой! Не приспособлен я к плаванию.

— Выдумываешь ты всё. «Организм!» — проворчал Женька.

Тон у него был такой спокойный и уверенный, что я не выдержал:

— А откуда ты знаешь, что он выдумывает? Может, и правда у него удельный вес слишком большой.

— Тебе хорошо говорить: «Не падай духом», — проворчал Виктор. — Ты-то в поход пойдёшь. Подвёл товарища, чтобы принципиальность свою показать, а теперь утешает: «Не падай духом!»

Женька встал, отряхнул песок с трусов, натянул на ноги старые чёрные брюки, закатанные до колен, и, не надев рубашки, стал подниматься по тропинке, ведущей с пляжа наверх.

— Обиделся! — усмехнулся Виктор.

— Женья! Куда ты? — окликнул я.

— Домой. Сейчас приду.

Сергей лёг на живот и упёрся в песок локтями.

— У меня пять лесок «Сатурн» с крючками и поплавками и три бамбуковых удилца. Если хотите, берите.

Мы ничего не ответили на это.

Женькин дом был совсем недалеко. Минут через десять он вернулся. Он нёс длинную толстую верёвку, свёрнутом в кольцо. Он остановился над Сергеем и сказал усталым голосом:

— Вставай! Пошли.

Сергей только голову приподнял.

— Куда ещё?

— По новому способу учиться.

— По какому ещё способу?

— У тебя на мелком месте ничего не получается, ты, чуть что, ногами на дно

становишься. Теперь давай на глубоком месте попробуем. Я тебя спущу на верёвке с моста, а ты старайся плавать. Как пойдёшь ко дну, я тебя вытащу.

— Ничего не выйдет,— сказал Сергей и отвернулся.

Женька подождал немного, потом повысил голос:

— Идём, слышишь? Долго я над тобой буду стоять?

Тут уж мы с Виктором поддержали Женьку.

— В самом деле, Сергей, почему не попробоваться,— сказал я.— Мне говорили, что такой способ помогает.

— Чудак человек! — сказал Виктор.— Последнюю надежду теряешь. А вдруг всё-таки научишься да пойдёшь в поход?

Как видно, Сергей не захотел терять последнюю надежду. Он поднялся, и Женька обмотал его грудь верёвкой, завязав тройной узел на спине.

— Идём! А вы, ребята, стойте на всякий случай поближе к воде.

Дойдя с Сергеем до середины моста, Женька остановился.

— Тут будем. Здесь самая глубина. Полезай!

Я знал, что под мостом Сергею было не больше, чем по шее, да и вообще в нашей речке возле города трудно найти место, где было бы глубже. Сергей с опаской посмотрел вниз, и я подумал, что он сейчас увидит дно. Однако вода была довольно мутная. Сергей потоптался некоторое время на месте и, вздохнув так громко, что даже мы с Виктором услышали с берега, перенёс через перила сначала одну ногу, потом другую. Стоя за перилами, он снова посмотрел на воду, потом на Женьку.

— Полезай, полезай! — сказал тот.

Сергей обхватил руками сваю и пополз вниз, а Женька начал постепенно вытравливать верёвку, но так, чтобы она оставалась всё время натянутой.

Вот Сергей погрузился в воду по плечи. Перегнувшись через перила, Женька наблюдал за ним.

— Давай плыви! — скомандовал он.

Сергей забарахтался было, но как только Женька ослабил верёвку, он снова обнял сваю и повис на ней.

— Отпусти сваю, — сказал Женька.

Сергей молчал и отплывался.

— Отпусти, говорю! Что ты вцепился?!

Сергей отпустил сваю и со страшной силой заколотил руками и ногами. Жень-

ка быстро оттащил его подальше от сваи и закрычал:

— Спокойно! Спокойно! Плавно под себя подгребай, плавно!

Но Сергей уже не слышал его. Он исчез под водой. Только круги пошли вокруг верёвки. Женька подождал секунды две, надеясь, что он выплывет, затем вытащил своего ученика на поверхность.

— Отдохни немного,— сказал он.

Сергей отдохнул, а потом Женька снова скомандовал ему: «Плыви!» — и снова тот начал барахтаться, а его учитель кричать: «Спокойно! Под себя подгребай!» И снова Сергей исчез под водой, и снова Женька вытащил его, перепуганного и задыхающегося. Так повторялось много раз. Мы с Витей подбадривали Сергея с берега, подавали ему советы и, чтобы поднять его настроение, врили ему, говоря, что он с каждым разом держится на воде всё дольше. Ничего не помогло. Минут через пятнадцать Сергей таким голосом крикнул: «К чёрту! Не могу больше!» — что Евгений тут же подтащил его к свае и помог забраться на мост.

— К чёр-чёр-чёрту всё это плавание! К чёр-чёр-чёрту весь этот по-по-ход! — сказал Сергей и стал быстро ходить по пляжу, чтобы согреться.

Женька сел на песок. Он весь блестел от пота, и вид у него был такой усталый, что ни я, ни Витя больше не решились его ругать.

— Не надо мне никакого похода! — повторил Сергей, проходя мимо.

Мы посмотрели ему вслед. Витя громко сказал:

— Сейчас говорит «не надо», а как будет старт, заболает с горя.

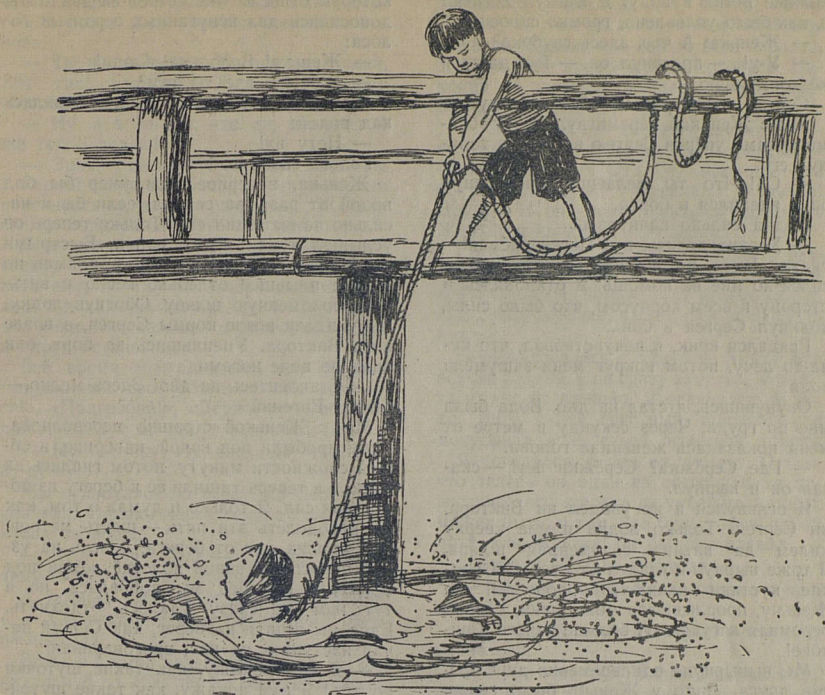
— Конечно,— ответил я.— Во всех наших путешествиях он самый активный был. А тут всё пойдут, а он один будет дома сидеть.

Женька машинально сгребал руками песок, строил из него пирамиду.

— А я, думаете, пойду, если Сергея не возьмут? — сказал он, не поднимая головы.— Думаете, у меня совести нет?

Скоро Витя отошёл от нас и принялся вычерпывать консервной банкой воду из лодки. Женька о чём-то думал, поглядывая то на лодку, то на ушедшего в другую конец пляжа Сергея. Вдруг он, понизив голос, обратился ко мне:

— Отдохнём чуток и ещё один способ попробуем. Только вы мне помогите.



Я присел перед ним на корточки:

— А что за способ?

— Мне Юрка Поспелов рассказывал. Говорит, его так отец научил. Посадил в лодку, отплыл от берега и выбросил его за борт. Юрка подумал, что там глубоко, стал изо всех сил барахтаться, чтобы жизнь свою спасти, и поплыл. Поможете?

— Помочь, конечно, поможем. Только где ты найдёшь глубокое место?

— А глубокого как раз и не нужно искать. Нужно только сказать Сергею, что там с ручками.

— Против ивовых кустов есть такое место,— сказал я.— Там вода какая-то зелёная, тёмная, кажется, что и дна нет, а на самом деле совсем неглубоко.

Договорившись обо всём, мы окликнули Сергея и предложили ему покататься. Сергей ответил, что для него «плавать на лодке значит только растревлять себя», но тут же стал помогать Виктору вычер-

пывать воду. Покончив с водой, они столкнули лодку и забрались в неё. Нам так и не удалось предупредить Витю о том, что мы задумали. Мы усадили Сергея править, я примостился рядом с ним на корме, Женька сел на вёсла, чтобы быть поближе к нам, а Витя расположился на носу.

До ивовых кустов было метров пять-сот. Наша лодочка, тяжело нагруженная, сильно осевшая, медленно подвигалась против течения. Песчаный пляж кончился. Справа потянулся почти отвесный глиняный обрыв со множеством крошечных пещерок. Десятки ласточек носились в этом месте над рекой, то пикируя к самой воде, то высоко взлетая. Временами какая-нибудь из них исчезала в одной из пещерок и через несколько секунд выпархивала оттуда снова.

Наконец мы добрались до места, где под обрывом росли кусты ивы, окунув

нижние ветки в воду. Я мигнул Женьке и, как было условлено, громко спросил:

— Женька! А что, здесь глубоко?

— У-у!.. — протянул он. — Тут даже я не донрываю.

Сергей посмотрел на тёмную воду.

Мы с Женькой перемигнулись. Я обеими руками упёрся Сергеем в плечо и толкнул его.

— Ой! Что ты делаешь! — вскрикнул он и вцепился в борта.

Лодка сильно качнулась.

— Хватит дуришь, вы! Перевернёмся! — сказал Витя, но Женька вскочил и бросился ко мне на помощь. Я отклонился в сторону и всем корпусом, что было силы, толкнул Сергея в бок...

Раздался крик, я почувствовал, что куда-то лечу, потом вокруг меня зашумела вода.

Окунувшись, я стал на дно. Вода была мне по грудь. Через секунду в метре от меня показалась женькина голова.

— Где Серёжка? Серёжки нет! — сказал он и нырнул.

Я оглянулся и не увидел ни Виктора, ни Сергея. Только лодка плыла кверху килем да витина соломенная шляпа. Я тоже нырнул и увидел илистое дно, редкие кустики каких-то водорослей да Женьку, проплывшего мимо меня, словно огромная лягушка. И больше ничего и никого!

Мы вынырнули одновременно друг против друга. Лицо у Женьки было серое.

— Серёжки нет... Серёжка утонул! — сказал он хрипло.

— И Витки нет!.. — ответил я, глотая воздух.

Мы снова нырнули.

Чего я только не передумал за эти несколько секунд, пока был под водой! Иной раз за целый день столько не передумаешь. И о том, что я скажу витькиным родителям, и о том, что если бы я выучил его во-время плавать, всё обошлось бы благополучно, и о том, что мы с ним не доделали фотоаппарата под киноплёнку, и о том, что же теперь будет с Женькой и с серёжиной мамой, и о том, каким образом всё-таки могли утонуть два здоровенных малых в таком мелком месте.

Почувствовав, что вот-вот открою рот и вздохну, я снова стал ногами на дно и оглянулся. Берег был пуст. Не увидел я никого и на воде. Но из-за перевёрнутой лодки, которая шла боком к течению и

которую отнесло уже метров на двадцать, доносились два испуганных сердитых голоса:

— Женька! Володька! Сюда!

— Женька, где ты там?

Женькина голова на секунду появилась над водой:

— Нету их!

Голова снова исчезла.

Женька, наверное, сам умер бы под водой от разрыва сердца, если бы я настолько не вытаскил его. Только теперь он услышал крики и всё понял. Быстрыми сажёнками мы догнали лодку, поймав по дороге плывшее отдельно весло и витькину соломенную шляпу. Обогнув лодку, мы увидели возле кормы Сергея, а возле носа Виктора. Уцепившись за борт, они били по воде ногами.

— Становитесь на дно! Здесь мелко, — сказал Евгений.

Мы с Женькой страшно переволновались, пробыли под водой, наверное, в общей сложности минуту, потом гнались за лодкой и теперь таскали её к берегу из последних сил. Я только и думал о том, как бы преодолеть эти пять — шесть метров, отделяющих нас от берега, и лечь на узкой поросшей травой полоске земли под обрывом. Наконец мы добрались, но и тут нам не сразу удалось отдохнуть. Едва мы вышли на берег, как Сергей начал наступать на нас, приговаривая:

— Я вам покажу, как такие шуточки шутить! Я вам покажу, как такие шуточки шутить!

Он даже шлёпнул меня ладонью по затылку. Витя вытряхивал из своей шляпы воду и громко одобрял Серёжку.

— Так им!.. Дай им ещё! Знают, что люди плавать не умеют, и такие штуки выкидывают!

Потом они вскарабкались на обрыв и ушли. В другой раз ни я, ни Женька не спустились бы Сергеем такого обращения, но теперь нам было всё равно. Мы не окликнули их: мы рады были, что они ушли. Сели на траву и стали отдыхать.

* * *

На следующий день я зашёл к Вите, чтобы объяснить ему вчерашнее происшествие и позвать тренироваться в гребле. Его не оказалось дома. Мать послала его в магазин. Я оставил записку, в которой сообщал, что буду ждать его возле мостика, и, взяв лодку, отправился туда.

На пляже я увидел такую же картину,

что и вчера: по грудь в воде стоял Сергей, а возле него торчала женькина голова:

— Ты не волнуйся. Ты вот так делай. Вот так! Смотри! — Женька медленно проплыл около Сергея:

— Ну, а я не так, что ли, делаю?.. Я же так и делаю!

— Значит, не так. Ну, давай! Ещё раз! Сергей снова заработал всеми четырьмя конечностями, в то время как Женька слегка поддерживал его под живот.

Я вышел на берег. Минуты через две сверху спустился Витя. Я стал рассказывать ему, почему мы вчера перевернули лодку и как мы искали его и Сергея на дне реки. Рассказывал я долго, подробно и вдруг остановился.

Всё время мы слышали, как Женька выкрикивает своё обычное: «Не волнуйся!», «Подгребай!», «Держи руки под водой!», — а тут он вдруг закричал:

— Ну-ну-ну-ну! Ну, ещё... Ну так! Ну-ну-ну-ну!..

Мы оглянулись на речку, но Сергея не увидели. Однако через секунду он высунился из воды.

— Что? Проплыл? — спросил он почему-то испуганным тоном.

А Женька так же испуганно ответил:
— Серёжка! Честное пионерское! Метра полтора!

Больше Сергей ничего не сказал. Он откинул чуб со лба, лёг на воду и, взбивая ногами пену, страшно вытаращив глаза, то открывая рот, то надувая щёки, двинулся к берегу.

— Серёжка! Хочешь верь, хочешь не верь! Два метра!

Похоже было, что Сергей и в самом деле не поверил. Стоя уже по колена в воде, он с глупой улыбкой посмотрел на нас и спросил:

— Проплыл? Да?

— Чудак! Конечно, проплыл!

Женька вышел на берег и бросился на песок.

— Всё! — сказал он. — Теперь он и сам из воды не вылезет.

Женька не ошибся. Мы уже начали кричать Сергею, что он весь посинел, что он зря так переутомляется, а Сергей всё барахтался, всё барахтался и с каждым разом, несмотря на утомление, держался на воде всё дольше.

— Женька! Друг! — закричал он не-

ожиданно, выскочил на берег, обнял Женьку и стал кататься с ним по песку.

Когда Женька кое-как от него отбился, он стал один прыгать и кувыркаться. Наконец он уселся, улыбаясь, весь облепленный песком.

— С девяти лет не мог научиться! — выкрикивал он. — Теперь посмотрим, Трофим Иванович!.. Отдохну немного — на боку попробую! Женька! Женька! Друг! — И он снова бросился обнимать Женьку и катать его по песку.

Согревшись, Сергей опять полез в речку. Женька лежал, подперев голову рукой, улыбался, помалкивал и, как видно, был очень доволен, что ему не надо лезть в воду.

Переговариваясь с Сергеем, давая ему всякие советы, я не сразу заметил, что Витя что-то не слышно. Я оглянулся на него. Витя сидел грустный, притихший и покусывал поля своей огромной шляпы.

Я дагадался, о чём он думает. О том, что теперь он один из всего нашего туристического кружка не умеет плавать, и, может быть, о том, что будь у него такой друг, как Женька, он бы уже плывал.

Я мигнул Женьке и сказал:

— Виктор, а тебе Женья говорил о проверке?

— О какой ещё проверке? — спросил он нехотя.

— Ну, о том, что Трофим Иванович собирается перед походом всех по плаванию проверить.

— Врёшь!

— Не веришь? Спроси Женьку.

— Ну да, — отозвался тот. — Двадцать восьмого, в двенадцать ноль-ноль, будет проверка! Я вчера Трофима Ивановича встретил, и он мне сказал.

Витя посмотрел на меня, на Евгения, помолчал.

— Женька! Поможешь, а? А то меня Володька пробовал учить, да ничего как-то не вышло.

Женья не сразу ответил. Он поковырял пальцем в песке, извлёк оттуда половинку ракушки, осмотрел её, отбросил и, вздохнув, медленно поднялся.

— Давай. Иди, — сказал он усталым голосом. — Ты, главное, не волнуйся. Дыши спокойно и подгребай под себя.

Витя научился быстрее Сергея: он поплыл на следующий день.

★ СОВЕТЫ СТАРШЕГО ВОЖАТОГО



О первом сборе в новом учебном году

Н. Снегирёва,
старшая вожатая 529-й московской школы

В жизни каждого коллектива есть день, когда в памяти ярко освещается большой отрезок пройденного пути. Это день отчёта о работе за год, день годовых итогов. Подводя эти итоги, мы взвешиваем все наши удачи и промахи, совершенные за год, и думаем, как избежать ошибок в будущем году. Тем и значителен день отчёта: правильно расценив работу за год, мы твёрже и уверенней строим планы на будущее.

В жизни каждого пионерского отряда тоже есть такой значительный день. Это день перевыборов совета отряда. Ежегодно в сентябре все председатели советов отрядов отчитываются в работе, проведённой за год. Это не только отчёт о том, что делал совет отряда: это итог годовой работы всего отряда, всех пионеров. И сбор, посвящённый перевыборам совета отряда, первый отрядный сбор в учебном году, должен дать пионерам зарядку на год.

А между тем не всегда так бывает. Нередко перевыборный сбор протекает вяло, неинтересно, и ребята приходят на него охотно. «Чего ждать от этого сбора? — рассуждают они. — Отчёта! И слово какое-то скучное!»

Но скучных слов не бывает, бывают скучные лю-

ди. Каждое слово можно наполнить живым, творческим содержанием. Мы убедились в этом ещё в прошлом году, побывав на предвыборном сборе одного из отрядов нашей дружины, на сборе отряда 6-го класса «Б».



Отчёт

Семнадцатое сентября... После линейки отряд собрался в школьном зале. Дружно звучит отрядная песня. Ребята собрались на первый отрядный сбор после лета. Вожатый говорит о важности сегодняшнего сбора. И вот председатель совета отряда начинает свой доклад. Коротко рассказывает он о том, с чем пришёл отряд к концу прошлого учебного года, называет отличников и тех, кто подводил отряд несерьёзным отношением к урокам и дисциплине. Потом он характеризует работу отдельных звеньев, указывая достоинства и недостатки.

Его отчёт дополняется материалами стенгазеты и фотомонтажем, висевшими на стене, экспонатами, размещёнными на стендах. Здесь лучшие доклады, тетради, карты, нарисованные пионерами, коллекции насекомых, гербарии. Грамота от школьного совета физкультуры свидетельствует о спортивных достижениях отряда. Рядом с грамотой список пионеров, получивших от директора благодарность за помощь школе. Все эти материалы хорошо знакомы пионерам: выставка была готова ещё за несколько дней до сбора.

Теперь председатель переходит к части доклада, которая обычно считается скучной: он говорит о сборах прошлого года.

— Как вы помните, — говорит он, — мы провели сбор, посвящённый истории пионерской организации.

И тут неожиданно гаснет свет. В глубине зала, за спиной председателя, раздвигается занавес и вспыхивает костёр...

— Послушайте, ребята, — продолжает докладчик, — пионерскую песню, которую пели наши отцы и матери, когда они были пионерами...

И группа пионеров у костра запевает старую пионерскую песню о картошке. И так же, как и тогда на сборе, весь отряд подхватывает любимый мотив.



Песня «На просторах Родины чудесной» оживила в памяти замечательный сбор, посвящённый товарищу Сталину. А когда зашла речь о сборе «Пионеры-герои», зазвучала музыка, и под её аккомпанемент один из пионеров прочёл начало рассказа о маленьком скрипаче, не испугавшемся фашистов. И весь зал разразился аплодисментами.

Волшебная посылка

Закончив отчёт о сборах, председатель совета отряда разобрал работу всех членов совета, причём не пощадил и себя самого, потом перешёл к заключению. От имени совета отряда он поблагодарил классного руководителя, директора, учителей и родителей за постоянную помощь в работе. На этом доклад был закончен, и отряд приступил к выборам. Они прошли быстро и дружно. Короткие выступления, голосование, и вот вожатый отряда вручает новому совету отряда решение сбора, дневник и нашивки. Сбор как будто закончен, пора по домам, но тут неожиданно раскрылась дверь, и в зал вбежал, запыхавшись, один из пионеров дружины с большим ящиком в руках.

— Погодите расходиться, ребята,— сказал он, обращаясь ко всем,— вашему отряду посылка. И посылка эта волшебная: тут подарки, которые обладают чудодейственной силой.

Все с любопытством вытянули шею. Председатель открыл ящик и стал вынимать подарки.

Первым был извлечён исполнинский карандаш.

— Кому бы это?— спросил председатель.— Да тут записка.— И он прочитал:— «Волшебный карандаш для оформления газеты «Дружба». Предназначается «маленькому, да удалённому».

И огромный карандаш очутился в руках отрядного художника, который действительно был невелик ростом.

Вслед за карандашом на свет появилась «копилка для сбора вежливых слов».

«Дорогой Юра, никогда не груби!»— прочёл председатель.

Подарки появлялись один за другим. Пионер, отличавшийся непоседливостью, получил кусок каната «для прикрепления

к парте». В подарок любителям поболтать был сконструирован «особый аппарат для зажима лишних слов на уроках», и нехитрое это приспособление, состоящее из длинной верёвки и обыкновенного зажима для белья, вызвало дружный смех всего зала. Новым звеньевым были преподнесены «волшебные» капли, которые должны были их избавить от недостатков, свойственных их предшественникам.

Это зависит от вас, ребята

Сбор, на котором мы были, оказался не только весёлым и занимательным. Он дал правильное направление работе отряда. Весь год совет отряда, выбранный на этом сборе, новые звеньевые и все пионеры работали активно и дружно. В день новых перевыборов им будет что рассказать в своём отчёте. А ведь этот день приближается, и скоро все вы, ребята, будете избирать новый совет отряда. Думали вы о том, как сделать перевыборный сбор интересным? Пионеры, о которых мы рассказали, начали подготовку сразу, как пришли в школу. Председатель совета отряда предложил вожатому звеньев и активу вспомнить и записать всё самое интересное, что они делали в прошлом году. Он посоветовался с классным руководителем, вожатым отряда и со мной и составил отчёт о работе отряда, в котором рассказал обо всём, что делали звенья во время занятий в школе, о летних работах ребят.

При обсуждении отчёта на совете отряда возникла мысль о художественных иллюстрациях к отчёту и «волшебных» подарках, которые так оживили сбор.

Но подготовка к сбору не отвлекла ребят от занятий. В неё были вовлечены почти все пионеры, и потому на долю каждого пришлось не так уж много работы.

Сбор прошёл очень организованно. Длился он всего полтора часа, потому что всё было заранее хорошо продумано. Советуем и вам сейчас же, не откладывая в долгий ящик, подумать о вашем перевыборном сборе. Постарайтесь вложить в него побольше выдумки, инициативы, чтобы ваш сбор был ещё интереснее, чем тот, о котором вы читали.





НА РЫБАЛКЕ

В. Архангельский

Лето ещё не кончилось, дни стоят тёплые. Давайте, ребята, возьмём удочку и ранним утром пойдём на берег реки.

Вот по влажной от росы тропинке мы подошли к реке. Вода чиста и прозрачна. На быстринке, у камней, шныряют пескарики. В тихой заводи, возле травы, не спеша проходит стайка плотвы. Серебряными брыжгами разлетаются в разные стороны уклейки. Они испугались краснойёрого голавля, который важно проплыл у берега.

На глубоком месте, под крутым берегом, проносится вёрткий язь, а вон там, подальше, показывает узкую спинку неуклюжий, широкий лещ. Как и язь, он любит в тихую погоду поиграть на зорях, выскочить из воды и подлещатся.

Под кустом громко, смело бьёт щука; на перекате глушит своим хвостом мелких рыбок сильный шереспёр, а возле осоки и камышей озорует полосатый разбойник-окунь.

Рыбы много, забрасывай удочку и лови! Но, чтобы поймать крупную рыбу, надо кое-что знать о рыбалке. Вот я и хочу дать вам, юные рыболовы, несколько полезных советов.

Подходите к реке тихо, не шумите, не разговаривайте. На берегу не стойте: крупная рыба боится шума и падающей на воду подвижной тени.

Не хлопайте удильцем по воде, забрасывайте леску осторожно и внимательно наблюдайте за поплавком.

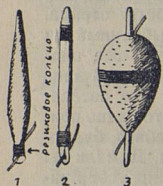
Удилище надо выбирать прямое, длинное и лёгкое, с тонким упругим кончиком. Его можно сделать из орешника, берёзы, черёмухи. Корю для прочности не снимайте. Леска должна быть в полтора раза длиннее удилища. Хороши лески из шёлка, капроновой жёлки, из конского волоса, из провощённой суровой нитки. На леску в четыре волоса можно выудить рыбу до двух килограммов весом. Перед рыбалкой испытайте свою леску: подвесьте к ней гирию в килограмм весом. Если не порвётся, смело идите ловить крупную рыбу.

Поплавок делайте из пробки, куги, осокоря, из гусиного пера. У гусиного пера надо отрезать основание, согнуть его в верхней части, защемить леску и закрепить резиночкой.

Хороший поплавок должен стоять в воде вертикально, если грузило не лежит на дне. С таким поплавком поклёвки не прозвезает!

Обязательно ловите на удочку с грузилом. Его можно сделать из дробинки, кусочка свинца или олова. Грузило прикрепляйте не у самого крючка, а на 15—20 сантиметров выше. Чем тяжелее леска и поплавок, тем больше должно быть грузило.

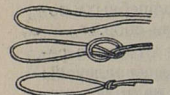
Не пользуйтесь большими крючками, лучше всего брать крючки от 10 до 15-го номера. Крючок привязывайте правильно, рыбацким узлом.



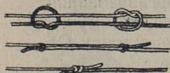
поплавки
1 осокоревый
с резиной,
2 перлюн с замком,
3 пружевынный
(и) пробки)



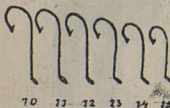
привязка крючков



петля для лес



соединение лес



10 11 12 13 14 15

Крючок с насадкой надо держать на 15—20 сантиметров от дна.

Рыболовные снасти готовы. Теперь облюбуйте и выберите место для ловли.

Крупная рыба держится на глубоких местах, где есть коряги: на дне, у подводных ям, у круглого, обрывистого берега, где растут кусты и травы. В быстрой реке ищите глубокие заводи.

Если речное дно песчаное, чистое, вырежьте два — три больших куса дёрна и бросьте их в воду. Крупная и мелкая рыба обязательно будет задерживаться в этом месте. Прикармливайте рыбу конопляными и льняными жмыхами, отрубями, овсом, ячменём, горохом. Распарьте корм, перемешайте с глиной, скатайте шары из этой смеси и бросьте в воду. Кашу можно положить в мешочек из редкой ткани и забросить на бёвёвке выше места ловли. Рыба потянется к мешочку и найдёт вашу приманку.

Хороший рыбак никогда не уносит домой остатки хлеба, червей, а разбрасывает их по воде. Рыба привыкнет находить пищу в одном месте и будет держаться возле него. Но слишком много прикормки не бросайте: она может испортиться.

Лучшая приманка для крупной рыбы — земляной червь, или выползок. Живёт он в огороде или в саду, выползает из земли ночью при росе и после дождя. Его хорошо ловить ночью с фонарём. Возьмите зажжённый фонарь и, бесшумно ступая по земле, выйдите с ним в сад или на огород. Увидев червя, быстро хватайте его двумя пальцами за голову и осторожно вытаскивайте из земли.

Хорошо ловится рыба и на навозных червей. Они живут в кучах перепревшего навоза, под сгнившей соломой.

Учитесь ловить на личинку ручейника. Это белые червячки с плотной коричневой головкой. Живут они в проточных ручьях и речках в подвижных «домиках» из хвои, песчинок, мелких прутьев, ракушек и листьев. Их надо искать на дне, на корягах, на затонувших кустах. На ручейника хорошо клюёт язь, плотва, красноперка, елец и другая рыба из породы карповых.

Хорошая насадка и мотыль, личинка комара-дергунца, который толчется пад водой у берегов. Мотыль — небольшой червячок малинового цвета, живущий в иле в прудах и озёрах. Ил надо зачерпнуть сачком и промыть, а червячков выбрать. Они очень нежные, надевать их на крючок надо очень осторожно, за головку.

Для насадки годятся стрекозы, кузнечики, коросды, муравьиные яйца, зёрна пшеницы, ячменя, ржи, гороха и речные ракушки.

Червей и всякую другую насадку надевайте на крючок плотно, чтобы не было видно жала. Червя, ручейника, стрекозу или кузнечика надевайте с головы.

Окунь хорошо идёт в августе, да и всю осень на мелкую рыбу — мальков. Мальков нетрудно наловить мелкой сеткой возле травы у берега.

Зорко следите за поплавком. Подсекайте рыбу, когда он начал погружаться в воду или уходит в сторону. Леща и караса можно засекают в тот момент, когда стоящий в воде поплавок, покачавшись из стороны в сторону, вдруг уляжется на воду. Не прозевайте этот момент!

Дёрните удильце осторожно, но резко. Подсекайте и тащите рыбу вправо и влево, но не через голову.

Не старайтесь выбросить крупную рыбу одним взмахом, дайте ей погулять, утомиться, «хватить воздуха», как говорят рыболовы.

Подводите её к берегу постепенно, не ослабляя лески. Научитесь пользоваться сачком на длинной палке или выхватывать рыбу руками возле берега. Хватать её нужно за шею или под жабры. Никогда не тащите крупную рыбу на берег вольном: можете остаться без крючка и без рыбы.

Если уколется острой иголкой окуня или судака, сейчас же наложите это место, чтобы показалась кровь, вытрите её и выплюньте. От слизи окуня и судака может образоваться нарыв на коже.

Помните, ребята, что вы молодые хозяева великой Советской страны. Вам принадлежит все её богатства. Берегите их, как зеницу ока. Не допускайте, чтобы истребляли рыбу. Люди, которые глушат рыбу, травят или стреляют её из ружей, совершают преступление: они уничтожают тысячи и миллионы мелких рыб, которые могли бы вырасти и стать полезными для человека.



жул Дровосек и его личинка



кузнечик



земляной червь



ручейник

мотыль



насадка живцов



МОИ ПЕРВЫЕ УЧИТЕЛЯ



нас в семье не было биологов. В киевской школе, где я училась, уроки естествознания проходили довольно вяло; ни один из них не оставил у меня сильного впечатления. И всё же ещё двенадцатилетней девочкой я твердо решила посвятить себя «науке о жизни» — биологии. Кто подал мне эту мысль? Теперь, вспоминая детство, я вижу, что первыми наставниками и советчиками моими в этой области были книги.

Я всегда любила природу, но книги направили и осмыслили эту любовь. Читая «Записки охотника» Тургенева, я глубоко осознавала прелесть наших русских равнин и лесов. Особенно близко моему сердцу было описание раннего утра в рассказе «Лес и степь». Бывало, мы с подружкой с утра отправляемся в Даринцу — пригородное место под Киевом, где работал отец, — и целый день странствуем по окрестностям. Вечером отец посылает нас домой, а мы спрячемся в овраге и уверяем его, что опоздали на последний поезд. Нас оставят ночевать, и мы, встав до зари, бродим под темносерым предутренним небом, которое так поэтично описано у Тургенева. Весело поют птицы, один за другим пробуждаются цветы, росистые травы, насекомые... Одно мне было обидно: я даже названия многих из них не знала.

И я заинтересовалась книгами о растениях и животных. Интересными сведениями обогатили меня «Записки ружейного охотника» С. Т. Аксакова. Увлекательно рассказывалось о пернатых в книге Мензбира «Птицы России»; Михаил Александрович Мензбир был талантливым представителем русского направления в биологии, изучавшего организм во взаимодействии со средой. С мудрыми инстинктами насекомых познакомил



меня Жан Анри Фабр в своей книге «Жизнь насекомых». Постепенно у меня накопилось довольно много знаний, но все они были как-то разрознены, не связаны между собой. И тут мне по-

палась книга, осветившая всё ярким светом, показавшая мне гармоническое единство жизни, которая непрерывно движется и совершенствуется. То была «Жизнь растения» нашего великого учёного Кирилла Аркадьевича Тимирязева.

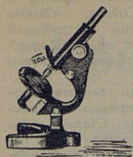
От души советую всем вам прочесть эту чудесную книгу. Общеизвестно и в то же время не стремясь упрощать, рассказывает Тимирязев о роли растения в едином процессе жизни, о явлениях природы в их взаимосвязи. У меня после этой книги точно пелена с глаз спала. Я поняла, что природа неустанно изменяется: мир сегодня не таков, каким был вчера, и завтра будет иным, чем сегодня. Насколько интереснее и понятнее стали для меня страницы нашего школьного учебника!

В учебнике перечислялись названия частей растения: корень, стебель, листья — без объяснения их происхождения, а Тимирязев разъяснял назначение каждой части, её изменения в зависимости от среды, взаимное действие всех частей организма... Всё расширяя круг вопросов, он подходил наконец к главному: как сложились самые организмы — и, не колеблясь, утверждал, что человек в силах ответить на этот вопрос. Великим уважением к мысли и воле человека дышала эта книга, и я, тогда ещё совсем маленькая девочка, читая её, впервые почувствовала, что такое подлинная, действенная наука, творчески преобразующая жизнь. Навсегда мне запомнились слова: «Задача физиолога не описывать, а объяснять природу и управлять ею... он должен вступать в борьбу с природой и силой своего ума, своей логики вымогать, вынытывать у неё ответы на свои вопросы, для того, чтобы завладеть ею и, подчинив её себе, быть в состоянии... вызывать или прекращать, видоизменять или направлять жизненные явления». Впервые я поняла, что естественный исследователь, биолог, — не пассивный созерцатель, а деятель, борец.

И я твердо решила стать биологом.

Ещё больше укрепили меня в этом решении труды великого русского учёного-материалиста Павла Пльича Мечникова: «Этюды оптимизма» и





«Сорок лет искания рационального мировоззрения». Не всё в этих книгах было доступно детскому восприятию, но и тогда меня покорила смелость мысли учёного, вступившего в борьбу с преждевременной старостью и смертью. «Человеческая жизнь свихнулась на полдороге, — писал Мечников, — и старость наша есть болезнь, которую нужно лечить, как всякую другую».

Эта мысль глубоко захватила меня, мне захотелось вложить и свою лепту в это огромное дело. Ещё студенткой первого курса я занялась опытами по омоложению животных. И вся моя дальнейшая работа была направлена к тому, чтобы заставить силы природы служить человеку.

Неизгладимое впечатление оставили у меня труды Ивана Петровича Павлова. Гордость русской науки, вожь передовой физиологии, Павлов выдвинул идеи, имеющие огромное общепсихологическое значение. Он учит нас рассматривать организм в его целостности, во взаимодействии с условиями внешней среды. Он сделал доступной изучению ранее остававшуюся таинственной область психической деятельности человека; он показал, как организм высшего животного реагирует на внешние раздражения, как эти реакции связываются друг с другом, усложняются, образуют непрерывную цепь. Он показал переход сложных реакций при частом повторении в простые, автоматические и, наконец, передачу их по наследству последующим поколениям. Таким образом, стало понятным возникновение сложных инстинктов у животных.

Тогда же я познакомилась и с трудами нашего замечательного преобразователя природы И. В. Мичурина, а в 1938 году я побывала в Одесском селекционно-генетическом институте и там на-

блюдала опыты Трофима Денисовича Лысенко и его сотрудников, продолжавших и развивавших великое учение Мичурина. Вся моя дальнейшая деятельность была направлена к тому, чтобы применять принципы мичуринской теории к изучению животного организма. В настоящее время я вместе со своими сотрудниками занимаюсь проблемой управления развитием животных. Мы добиваемся того, чтобы человек управлял наследственностью у животных так же, как он уже научился управлять ею у растений.

Понимание законов, управляющих развитием высокоорганизованных животных организмов, необходимо и для нашего социалистического сельского хозяйства и для медицины.

Сейчас, обучая студентов — будущих врачей, — я продолжаю учиться сама и стремлюсь привить слушателям любовь к моим старым друзьям — книгам.

Книги открывают перед нами мысли и чувства наших замечательных соотечественников — великих русских учёных, прославивших нашу науку в веках.

Читая труды Михаила Васильевича Ломоносова, нельзя не восхищаться многогранностью этого великого человека, опередившего современную ему научную мысль на целых сто лет. Во всех областях науки он оставил образцы гениального творчества. Мы, биологи, также обязаны Ломоносову многим замечательными мыслями и открытиями.

Книги великих русских учёных помогают нам строить нашу счастливую жизнь, претворять мечту в действительность и добиваться той победы, о которой говорил К. А. Тимирязев, — «победы жизни над враждебными силами природы».



В. Маховко,

доктор биологических наук

П р о ч и т а й т е э т и к н и г и

Жан Грива «Рассказы об Испании». Эта книга расскажет вам о героической борьбе испанского народа с фашизмом, о том, как взрослые и ребята сражались за свободу своей родины.

Н. А. Емельянова «Заманщина». Много лет тому назад геолог Н. А. Емельянова работала в Красноярском крае — изучала природные богатства района, расположенного по реке Мана (приток Енисея). Совсем недавно она снова побывала в Заманщине. В своей книге Н. Емельянова рассказывает о том, как творческий труд советских людей преобразил далёкий и глухой край.

Ю. Промптов «По Армянскому нагорью». Читая эту книгу, вы вместе с автором совершите восхождение на гору Арагац, посетите озеро Севан, побываете в горных селениях и, наконец, закончите своё путешествие в столице советской Армении — в Ереване.

Б. Ляпунов «Ракета». О трудах замечательных русских учёных, создателей ракеты, о достижениях ракетной техники — о ракетах, реактивных самолётах, об авиации будущего и о межпланетных путешествиях узнаете вы из этой книги.

каш календарь



ЛЕТОПИСЬ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

По утрам в ваш дом приходит почтальон. Одному он приносит сегодняшнюю газету, другому — новый номер журнала. Но есть в Москве дом, куда почтальоны не приходят с сумкой, а приезжают на грузовиках — один за другим. Этот дом — Всесоюзная книжная палата. Каждый день сюда привозят со всех вокзалов и аэродромов несколько тысяч книг и много десятков тысяч газет и журналов.

В Тбилиси напечатали новую книгу, в Киеве вышел новый журнал, в Алма-Ате издали новые ноты — 39 экземпляров обязательно посылают в Москву. В Книжной палате записывают, что напечатано за день по всей нашей стране. Один экземпляр оставляют на вечное хранение, а остальные рассылают в главные библиотеки всех советских республик. Здесь строго следят за тем, чтобы в наших главных библиотеках были все до одной вышедшие книги.

Книжная палата основана тридцать лет назад, 3 августа 1920 года. За это время в её хранилищах накопилось около миллиона названий печатных произведений на 119 языках народов СССР. Эти сотни миллионов страниц — драгоценная летопись роста советской культуры.



ТЕБЯ ЖДЕТ ШКОЛА

Недавно группа советских писателей побывала в Индии.

Писатели видели там, как на фабриках с раннего утра и до поздней ночи работают голодные, измученные дети. Эти ребята, конечно, не учатся. Они могут только мечтать о школе, которая недоступна детям бедняков.

В Советском Союзе учатся все ребята. Двадцать лет назад, 14 августа 1930 года, у нас был издан закон о всеобщем начальном обучении. «Принять осенью 1931 года в трудовую школу всех детей... которые до настоящего времени не обучаются в школе», — было сказано в этом законе.

За годы советской власти в нашей стране построено несколько десятков тысяч новых школ. Даже в тундре, где живут на оленях северные народы, даже в таких высокогорных посёлках, куда учебники привозят на самолётах, есть у нас школы. А с прошлого года у нас введено всеобщее обязательное семилетнее обучение.



ПИСАТЕЛЬ-БОРЕЦ

Пятнадцать лет назад, 30 августа 1935 года, умер французский писатель-коммунист Анри Барбюс. Когда его хоронили, впереди процессии шли парижские девушки и несли на красных подушках несколько книг, как несут оружие перед гробом воина. Книги, написанные Барбюсом, и были тем оружием, которым он боролся за правду и справедливость.

Во время первой мировой войны Барбюс был солдатом. В окопах в перерывах между боями он написал книгу «Огонь». В ней он гневно разоблачал капиталистов, которые разжигают войны для своей наживы и посылают на смерть миллионы людей.

Всю жизнь Барбюс неустанно и смело боролся с фаши-

мом и рассказывал правду о Советском Союзе. «Знамя социалистической республики Советов», — писал он, — это красное знамя освобождения всего человечества.

Незадолго до смерти Барбюс закончил прекрасную книгу о товарище Сталине. На весь мир прозвучали в ней горячие слова писателя-борца: «Сталин — это Ленин сегодня».



ТРУД ДЛЯ РОДИНЫ

Есть слово, которое звучит одинаково на всех языках мира. Капиталисты произносят его с ненавистью, трудящиеся — с уважением и любовью. Это слово — «стахановец».

Пятнадцать лет назад этого слова ещё не существовало. Оно родилось в историческую ночь на 31 августа 1935 года, когда донецкий шахтёр Алексей Стаханов спустился в свой забой и выполнил за смену четырнадцать норм.

Стаханов смело отбросил старый способ, которым рубли уголь отцы и деды. Он глубоко продумал все условия работы, по-своему расставил подсобинок, применил новые, найденные им приёмы. И один стал добывать столько угля, сколько накануне давали полтора десятка забойщиков.

Пример Стаханова подхватили другие шахтёры. В ноябре 1935 года в Кремле собрались первые стахановцы из всех областей промышленности. Товарищ Сталин сказал им, что стахановское движение возможно только в стране, где рабочий трудится не на хозяина, а на себя, где рабочий знает, что плоды его труда идут на благо всего народа.

Сейчас по-стахановски трудятся миллионы советских людей. Их примеру следуют рабочие всех стран, где власть перешла в руки народа.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орлов В. И., Печникова З. И., Прилежаева М. П., Смирнова В. В., Шмаринов Д. А., Щипачёв С. П.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 235, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 11/VIII 1950 г.

Изд. № 564

82X110

А — 04311

8 печ. л.

Тираж — 100 000.

Заназ 2021.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Проекты Михаила Механичкина

Все вы, ребята, конечно, любите мастерить и не раз слышали и читали о том, как другие пионеры конструируют самодельные радиоприёмники, делают рекордные авиамодели, электрифицируют свои лагеря, выращивают мичуринские сады, строят приборы для школьных кабинетов. Одним словом, ребята проявляют хорошее умение, смётку и настойчивость в разных полезных делах.

Но вы, вероятно, ничего не слышали о хитроумных проектах изобретателя пионера Михаила Механичкина. А этот молодой, но подающий надежды конструктор разработал множество весьма оригинальных технических усовершенствований лагерного быта. Конечно, все эти технические новинки Миши Механичкина не применяются, но мы сочли нужным познакомить наших читателей с избранными его проектами. Вы можете увидеть их на четвёртой странице обложки.

В правом нижнем углу изображён предложенный Михаилом Механичкиным «будильник-самосвал с обливателем». Зная по собственному горькому опыту, как легко проспать утром час подъёма, изобретатель механизировал, как он сам выражается, «растванное с постелью». В положенный час будильник разражается оглушительным трезвоном; стрелка часов тянет за верёвку, привязанную к ведру; последнее опрокидывается, обдавая холодной водой спящего. А при помощи второго привода откидывается криук, сдерживавший пружину, которая теперь распрямляется, вскидывая постель.

Взгляните затем в противоположный, верхний угол рисунка. Вы видите здесь остроумный механизм, который изобретатель назвал «поворотной солнцегрежкой». Все пионеры очень любят загорать на солнце. Но чтобы не обжечься и загореть равномерно, надо поворачиваться к солнцу то



спиной, то боком. А Мише Механичкину это занятие показалось утомительным. И вот часовой механизм сам приводит в движение вертело с укрепленным на нём згорающим.

Собирать грибы и ягоды, ловить рыбу — дело превосходное, но требующее внимания, известной настойчивости и усердия. Наш изобретатель решил облегчить и эту трудную, по его мнению, работу. Вы можете познакомиться с интересными механическими усовершенствованиями в этой области. Перед вами «оптический грибоискатель», «шестилапый ягодный самохват» и, наконец, «электрический рыбоцап с чудодушкой системы Михаила Механичкина».

Для любителей содового пения неутомимый конструктор спроектировал «лагерный трансляционный радиусел соловца-ния» (см. правый верхний угол).

Обратите внимание также и на дерево, где установлен микрофон для соловья. Михаил Механичкин предлагает посадить в лагере дерево «сборнокомпотной породы», заменяющее одновременно плодовый сад, виноградник и бахчу... Мы знаем, что наши мичуринцы создают новые чудесные сорта фруктов, добиваясь того, что яблоки и груши растут на одном дереве. Но выращивать на одной

и той же ветке груши и дыни, виноград и арбузы никому ещё до Михаила Механичкина не приходило в голову.

Под сборнокомпотным деревом установлен чрезвычайно удобный аппарат, который конструктор назвал «кругоскопом». Как известно, пионерские лагеря обычно расположены в живописной местности. Пионеры предпринимают походы по окрестностям, совершают экскурсии, изучают край. Михаил Механичкин предлагает упростить это занятие. В лагере устанавливается «кругоскоп», то есть телевизор особой конструкции. Поворачивая стрелку компаса-видоискателя, можно обозревать все самые прекрасные виды, окружающие лагерь, и ходить никуда не надо. Чтобы удовольствие и впечатление были полными, изобретатель рекомендует зрителям надевать походные туристские костюмы, рюкзаки и брать в руки дорожные посохи.

Недостаток места не позволяет нам познакомить вас с другими, не менее увлекательными предложениями Михаила Механичкина. Им, например, придуманы проекты машин для облегчения ежедневного утреннего умывания: зубочиститель, самомылка, ушемойка, самочёс для мальчиков и косоплёт для девочек.

Им изобретён также сложный агрегат «автомухоловка» (см. рис.). Мухи летят на установленную в центре аппарата банку с мёдом, но тут попадают в мощную струю электровентилятора, которая загоняет их в особую трубу. Счётчик-«мухомер» показывает число попавшихся мух. Однако этот несколько громоздкий механизм представляется нам уже ненужным. В лагере, который был бы оснащён по проекту Михаила Механичкина, где имелись бы «самохваты» и «самомылки», но не было бы самодеятельности пионеров, мухи мёрли бы сами по себе... со скуки...



ВС
1950

Здесь ты видишь проекты Миши Механичкина в действии. Прочитать об этих проектах можно на обороте.